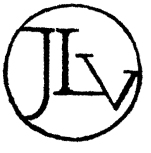
И. Херасковъ

Крестьянство и революція

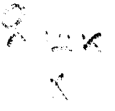


Berlin
J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H.

И. Херасковъ

Крестьянство и революція

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова



Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

I.

Въ моментъ борьбы съ самодержавіемъ государства Западной Европы во многихъ существенныхъ чертахъ походили на современную Россію: земледѣліе всюду играло еще главную роль въ народномъ хозяйствѣ, крестьянство составляло главную массу населенія, крестьянскій вопросъ всюду разрѣшался въ ходѣ буржуазной революціи.

Вотъ почему такъ интересно для насъ выясненіе вопроса, какую роль играли въ этихъ революціяхъ сами крестьяне, и какъ отражалось на революціонной борьбѣ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Особенно важны для насъ въ этомъ отношеніи уроки Великой французской революціи.

Нигдѣ революціонныя событія не развертывались болѣе грандіозно, нигдѣ побѣда народа не была болѣе полной и нигдѣ крестьянство не играло въ ней болѣе активной роди.

Революціи 1848-го года въ нѣмецкихъ государствахъ, наоборотъ, слишкомъ скоро обрывались уступками правительства, чтобы демократія могла развернуть тамъ всѣ свои силы. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкія революціи были лишь блѣдной копіей съ французской.

Многое говоритъ за то что мы, русскіе, идемъ скорѣе по стопамъ Франціи 1789-го года, чѣмъ Германіи 1848-го года, что наша революція наряду съ французской пріобрѣтетъ въ исторіи названіе великой, но и независимо отъ этого уроки французской революціи полны для насъ глубокаго значенія, какъ

картина наиболѣе полнаго въ исторіи демократическаго переворота.

Россія начала 20-го столѣтія не то, что Франція конца 18-го. Капиталистическое развитіе ушло у насъ гораздо дальше; классовое строеніе у насъ сложнѣе; соціальный вопросъ ставится опредѣленнѣе; въ связи со всѣмъ этимъ и исходъ революціи будетъ у насъ, вѣроятно, иной.

Обо всемъ этомъ не слѣдуетъ, конечно, забывать, проводя аналогію между россійской и французской революціей и пользуясь для первой уроками второй, но крестьянство и у насъ составляетъ большую часть населянія, крестьянскій вопросъ и у насъ поставленъ до крайности остро, полное разрѣшеніе его и у насъ находится въ тѣсной связи съ радикальнымъ политическимъ переворотомъ . . .

II.

Не смотря на всѣ успѣхи, сдѣланные французской промышленностью и внѣшней торговлей къ концу 18-го вѣка, Франція передъ революціей была еще страною земледѣльческой.

Кризисъ сельскаго хозяйства, вызванный гнетомъ самодержавія и феодализма, грозилъ Франціи полнымъ экономическимъ упадкомъ и былъ главной причиной взрыва.

Въ тѣсной связи съ этимъ настойчиво требовалъ разрѣшенія и крестьянскій вопросъ. Въ теченіе всей революціи онъ имѣлъ первенствующее значеніе, задерживая или двигая впередъ событія.

Поступательный ходъ революціи остановился съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, а поскольку крестьяне рѣшали его собственными силами, сама революція была дѣломъ крестьянскихъ рукъ.

Въ чемъ же заключалось въ то время сущность крестьянскаго вопроса? Онъ далеко не совпадалъ прежде всего съ вопросомъ аграрнымъ.

Аграрный вопросъ не покрывался нуждами крестьянства, а крестьянскій вопросъ не сводился къ аграрнымъ отношеніямъ. Сущность аграрнаго вопроса заключалась въ освобожденіи земли отъ гнета феодализма и въ установленіи чисто буржуазнаго типа земельной собственности; крестьяне же не только передъ революціей, когда $^4/_5$ земельной площади Франціи приходилось на долю крупнаго землевладѣнія, но и послѣ нея, когда площадь крестьянскаго землевладѣнія значительно расширилась, далеко не были единственными собственниками земли: разрѣшеніе аграрнаго вопроса революціей не только всецѣло, но преимущественно не было торжествомъ крестьянскихъ интересовъ, потому что львиную долю при распредѣленіи національныхъ имуществъ получила крупная и средняя буржуазія.

Крестьянскій вопросъ имѣлъ свою самостоятельную задачу: онъ затрагивалъ главнымъ образомъ личные права крестьянина. Какъ и вопросъ аграрный, онъ входилъ какъ часть въ общій вопросъ объ уничтоженіи остатковъ феодальнаго строя, ставшихъ поперекъ экономическому развитію Франціи.

Крѣпостное право въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ принудительной осѣдлости и барщины на помѣщика, въ большей части Франціи прекратило свое существованіе чуть ли не съ 14-го вѣка, но мѣстами были еще въ силѣ и помѣщичья барщина, и право возвращать бѣглыхъ, и другіе признаки личной зависимости вплоть до, такъ называемыхъ, «смѣшныхъ» повинностей, въ родѣ обязанности пугать по ночамъ лягушекъ, нарушающихъ помѣщичій сонъ.

А главное, — даже и та масса крестьянскихъ повинностей, которыя, по господствовавшему толкованію, происходили изъ свободныхъ поземельныхъ отношеній, ничѣмъ въ сущности не отличались отъ повинностей личныхъ: по крайней мѣрѣ, крестьяне

во время революціи, не смотря на всѣ старанія буржуазныхъ толкователей, такъ и не могли уяснить себѣ разницы между тѣми и другими.

Сложная и прочная сѣть различныхъ ограниченій и повинностей окутывала всю жизнь крестьянина. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ взглянуть хотя бы въ перечень крестьянскихъ повинностей, отмѣнявшихся декретомъ законодательнаго собранія (25 августа 1792-го года), гдѣ ихъ находится до 67 названій, или въ такой же перечень повинностей, безъ выкупа отмѣненныхъ въ ночь на 4-е августа 1789-го года, гдѣ число ихъ наименованій доходитъ до 150.

Не нужно думать, конечно, что каждый французскій крестьянинъ былъ обремененъ когда-нибудь сразу 217 повинностями — нѣсколько названій въ этихъ перечняхъ относятся часто къ одной и той же повинности, многія повинности имѣютъ чисто мѣстный характеръ, — но все же эти цифры позволяютъ судить о сложности и запутанности существовавшихъ тогда поземельныхъ и личныхъ отношеній. Помѣщикъ бралъ у крестьянина долю его урожая сверхъ постояннаго годового ценза, заставлялъ крестьянина молоть хлѣбъ исключительно на барской мельницѣ и давить виноградъ на барской давильнѣ, опустошалъ его поля дичью и голубями, которыхъ уничтожать крестьянинъ не имѣлъ права, вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла крестьянина, предписывая ему напримѣръ сѣять тотъ, а не иной видъ хлѣба, облагалъ его пошлиной при продажѣ и переходѣ по наслѣдству земли и т. д. и т. д.

Государство, съ своей стороны, взваливало на крестьянскія плечи всю тяжесть налоговъ, а откупщики своими злоупотребленіями дѣлали ее еще болѣе невыносимой. Государство сгоняло крестьянъ на барщины, заставляя чинить мосты и дороги, строить казармы и склады, перевозить военный грузъ, солдатъ и арестантовъ. Изъ крестьянъ же вербовало

оно свои арміи, такъ какъ дворянство и духовенство не знали ни воинской повинности, ни большей части прямыхъ налоговъ.

Въ довершеніе всего еще и церковь облагала крестьянъ своей десятиной.

Въ концѣ 18-го столѣтія французскій крестьянинъ не только фактически продолжалъ оставаться рабомъ помѣщика, но сдѣлался сверхъ того рабомъ и государства.

Въ общей сложности, по вычисленіямъ современниковъ, налоги и повинности всякаго рода брали у крестьянина до $^2/_3$ дохода, а въ отдѣльныхъ случаяхъ превышали весь его земледѣльческій доходъ. Въ результатѣ явился страшный упадокъ крестьянскаго земледѣлія: крестьяне массами бѣжали изъ деревни, бросая необработанными свои поля, и пополняя собою въ городѣ толпы безработныхъ и нищихъ, общее количество которыхъ достигало въ концѣ 18-го вѣка ужасающей цифры. Въ 1787 году въ одномъ Парижѣ насчитывалось до 119 000 нищихъ при 650 тысячахъ всего населенія, а во всей Франціи число ихъ доходило до 1 200 000 человѣкъ.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ не замѣчалось почти никакого прогресса: господствовали отсталые способы земледѣлія, плохія орудія, слабосильный скотъ, скудное удобреніе. Голодные годы почти безпрерывно слѣдовали одинъ за другимъ; въ промежутокъ 89 лѣтъ отъ 1700 года ихъ было не менѣе 30. Жизненная обстановка крестьянъ поражала своимъ убожествомъ — избы безъ печей, а иногда и безъ оконъ, непролазная грязь внутри, рваная и грязная домотканная одежда, пища изъ овса, ячменя, каштановъ, иногда изъ однихъ отрубей.

«Наши поселяне, — писалъ въ 1740-мъ году епископъ Массильонъ министру Флери, — живутъ въ ужасной нищетѣ безъ постелей, безъ мебели; большинству изъ нихъ хватаетъ ячменнаго или овсян-

наго хлѣба, ихъ единственной пищи, только на полгода, но и этотъ хлѣбъ они вырываютъ у себя и дѣтей своихъ изо рта, чтобы заплатить подати . . .

Негры нашихъ острововъ гораздо счастливѣе, ибо, работая, они имѣютъ и пищу, и одежду, равно какъ ихъ жены и дѣти; тогда какъ наши крестьяне, при неустанной работѣ, не имѣютъ чѣмъ накормить свою семью и платить подати».

Герцогъ Орлеанскій говорилъ какъ-то Людовику 15-му, поднося ему хлѣбъ изъ папоротника: «Вотъ, ваше величество, чѣмъ питается вашъ народъ!»

Положеніе крестьянъ становилось еще безотраднѣе вслѣдствіе хлѣбныхъ спекуляцій.

Скупщики задерживали въ своихъ рукахъ большія количества хлѣба и вздували искусственно цѣны; для этой цѣли они заключали между собой даже особые договоры, носившіе характерное названіе «договоровъ голода» (pactes de famine). Видное участіе въ этихъ спекуляціяхъ принималъ и самъ король. Голодные бунты, въ теченіе 18-го вѣка чуть не ежегодно возникавшіе въ различныхъ частяхъ Франціи, вызывались большею частію именно хлѣбными спекуляціями.

III.

Наканунѣ революціи во Франціи, какъ мы упомянули, преобладала крупная земельная собственность, занимавшая до $^4/_5$ всей ея площади.

Это не значило однако, чтобы въ это время преобладало и крупное земельное хозяйство.

Какъ разъ наоборотъ — Франція была тогда по преимуществу страной мелкаго крестьянскаго хозяйства.

По вычисленію Кэнэ площадь мелкаго хозяйства въ пять разъ превосходила тогда площадь крупнаго. Уже отсюда ясно, что большая часть земельной площади Франціи обрабатывалась крестьянами-арен-

даторами. Среди нихъ различались между собою два класса — фермеры и половники, причемъ половники, т. е. снимавшіе землю за долю урожая, рѣшительно преобладали.

Экономическое положеніе этихъ половниковъ было особенно плачевно. Какъ правило у нихъ не было своего рабочаго скота, и они арендовали его вмѣстѣ съ землей у землевладѣльца или крупнаго фермера. Приходилось имъ часто занимать до новой жатвы и сѣмена, и продовольственный хлѣбъ, что́ рѣдко давало имъ возможность выбиться изъ долговъ. Немногимъ лучше было положеніе и крестьянъ — собственниковъ и фермеровъ: феодальные повинности, церковная десятина и государственные налоги тяжелымъ гнетомъ лежали и на нихъ.

Если самодержавіе и феодальныя привилегіи были главной причиной крестьянскихъ бѣдствій, и крестьянскій вопросъ въ этомъ отношеніи сливался съ вопросомъ о разрушеніи остатковъ феодальнаго строя вообще, то онъ имѣлъ и другую сторону, выдѣлявшую большую часть крестьянства, уже въ чисто экономическомъ отношеніи, изъ общей массы «третьяго сословія», и ставившую передъ ней самостоятельныя задачи, иногда прямо противоположныя задачамъ буржуазіи.

Въ послѣднія десятилѣтія передъ революціей въ деревнѣ появляются первые начатки раціональнаго хозяйства на капиталистической основѣ. Отчасти торговопромышленная буржуазія проникаетъ въ деревню, захватывая въ свои руки часть земли, отчасти и дворяне, по примѣру этихъ буржуа, совершенствуютъ свое хозяйство. Является стремленіе къ болѣе крупному хозяйству; крупныя фермы вытѣсняютъ мелкія; жилыя постройки мелкихъ фермъ сносятся.

Явленіе это замѣчается, главнымъ образомъ, въ округахъ, примыкающихъ къ крупнымъ, город-

скимъ центрамъ и прежде всего, конечно, къ Парижу.

Крестьяне этихъ округовъ въ своихъ наказахъ въ Генеральные Штаты требуютъ государственнаго вмѣшательства въ ихъ отношенія съ крупными землевладѣльцами, именно запрещенія сносить дворы на мелкихъ фермахъ и соединять ихъ въ крупныя фермы: «Это разоряетъ большинство земледѣльцевъ, — пишутъ крестьяне въ одномъ изъ своихъ наказовъ, — земледѣльцевъ, не имѣющихъ средствъ для аренды крупныхъ участковъ». Одна изъ сельскихъ общинъ жалуется, что по крайней мѣрѣ 300 изъ входящихъ въ ея составъ семей благодаря крупнымъ фермамъ лишены возможности обрабатывать землю и принуждены переселяться въ городъ. Другая община требуетъ установленія предѣльной величины арендныхъ участковъ и т. п.

Здѣсь передъ нами всѣ признаки борьбы крупнаго и мелкаго землепользованія. Представителями перваго являются дворяне, буржуа-землевладѣльцы и крупные фермеры, представителями второго — большинство крестьянства.

Стремленіе къ болѣе крупнымъ размѣрамъ хозяйства было, вѣроятно, одной изъ причинъ усиленныхъ посягательствъ дворянъ и другихъ крупныхъ владѣльцевъ на общинныя земли, часть которыхъ имъ и удалось оттягать у крестьянъ.

Между крестьянами и помѣщиками шла упорная борьба изъ-за общинныхъ земель, и въ данномъ случаѣ самый хозяйственный прогрессъ, возбуждая аппетиты помѣщиковъ и толкая ихъ на прямой грабежъ, усиливалъ угнетеніе крестьянства.

IV.

Дѣло освобожденія земельной собственности отъ феодальныхъ ограниченій не сводилось однако къ освобожденію ея отъ многочисленныхъ налоговъ и

повинностей въ пользу сеньора: на всей земельной собственности, и помѣщичьей въ томъ числѣ, лежала въ то время еще одна группа ограниченій, лишавшая ее характера свободной собственности — именно пережитки общиннаго землевладѣнія.

Часть земли (лѣса, пастбища, луга) находилась еще въ нераздѣльномъ общинномъ владѣніи, а надъ остальной ея частью тяготѣли такъ называемыя «право свободнаго выпаса» и «право глянажа». Всѣ члены общины имѣли право выгонять свой скотъ на поля сосѣдей послѣ снятія хлѣба («свободный выпасъ»), и каждый могъ собирать тамъ колосья, оставшіеся послѣ жатвы («глянажъ»).

Если по отношенію къ феодальнымъ повинностямъ между всѣми сельскими хозяевами — не дворянами царило полное единодушіе, и каждый считалъ необходимымъ ихъ уничтоженіе, то по отношенію къ пережиткамъ общиннаго землевладѣнья такого единодушія не было даже среди крестьянства. Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ фактомъ, что крестьянство не представляло уже изъ себя однообразной массы, — фактомъ, раскрывающимъ передъ нами еще одну сторону сложнаго крестьянскаго вопроса въ предреволюціонной Франціи.

Пережитки общиннаго землевладѣнія препятствовали хозяйственному прогрессу, поддерживая принудительный сѣвооборотъ и мѣшая правильной уборкѣ хлѣба (какъ это видно изъ жалобъ многихъ наказовъ), но они же служили источникомъ пропитанія для деревенской бѣдноты: многіе сельскіе жители только благодаря «свободному выпасу» могли держать скотъ, а другіе питались исключительно собираніемъ колосьевъ на чужихъ поляхъ. Это была обыкновенно бѣднѣйшая часть крестьянства, — тотъ безхозяйный и бездомный людъ, который не могъ воспользоваться даже «свободнымъ выпасомъ» за неимѣніемъ скота. Только часть этой бѣдноты жила

батрачествомъ и поденной сельской работой, остальные же пополняли собою ряды нищихъ, бродягъ и профессіональныхъ воровъ; они то, главнымъ образомъ, и пользовались правомъ глянажа, при чемъ не всегда, конечно, ограничивались тѣмъ, что принадлежало имъ по обычаю, и не всегда строго соблюдали права собственности. По отношенію къ этому слою деревенскаго населенія всѣ сколько-нибудь хозяйственные крестьяне раздѣляли ненависть и презрѣніе дворянъ и сельскихъ буржуа. Въ крестьянскихъ наказахъ постоянно встрѣчаются жалобы на эту «сволочь», на это «отребіе общества» (tout le frétin de la société).

По отношенію къ «свободному выпасу» и «глянажу» среди крестьянъ замѣтно было, такимъ образомъ, разногласіе: одни требовали ихъ сохраненія, другіе просили ихъ уничтожить. Часть крестьянъ успѣла, очевидно, приспособиться къ новымъ потребностямъ хозяйства и стояла за полное освобожденіе земельной собственности отъ феодальныхъ пережитковъ. Другая часть цѣплялась за нихъ, какъ за средство поддержать свое полунищенское существованіе. Въ то же время вся деревенская бѣднота съ рѣдкимъ единодушіемъ стремилась къ раздѣлу общинныхъ земель. Для малоземельныхъ это было единственнымъ способомъ получить землю вообще и осуществить свое право на общинную землю въ частности. Кромѣ того бѣднота видѣла въ раздѣлѣ средство предупредить переходъ общинныхъ земель въ фактическое распоряженіе зажиточныхъ собственниковъ, что уже наблюдалось всюду и въ дѣйствительности.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что французскіе крестьяне страдали и отъ малоземелья. Это выражалось какъ въ протестахъ крестьянъ противъ крупныхъ фермъ и борьбѣ съ помѣщиками изъ-за общинныхъ земель, такъ и въ стремленіи къ раздѣлу этихъ

земель и сохраненію такихъ жалкихъ источниковъ пропитанія, какъ право собирать на чужихъ поляхъ колосья.

V.

Среди общаго возбужденія, все шире охватывавшаго страну, не могли, конечно, оставаться спокойными и крестьяне. Къ концу 18-го вѣка крестьянскіе бунты принимаютъ эпидемическій характеръ.

Правда, эти бунты носятъ чисто стихійный характеръ и диктуются скорѣе однимъ голодомъ, чѣмъ ясно поставленными цѣлями, но нельзя отрицать и того факта, что революціонный духъ тѣмъ не менѣе проникъ уже въ крестьянскую среду, — что мысль о необходимости революціоннаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса уже волновала широкіе круги крестьянства. Этимъ духомъ проникнуты всѣ крестьянскіе наказы 1789-го года, которые удавалось составить безъ прямого давленія помѣщиковъ и буржуа; редакторамъ общихъ наказовъ третьяго сословія приходилось тратить немало труда, чтобы смягчить рѣзкія выраженія крестьянскихъ наказовъ и ограничить «неумѣренныя» требованія крестьянъ.

Къ числу этихъ «неумѣренныхъ» требованій относится, напримѣръ, требованіе о передачѣ въ свободную собственность крестьянъ безо всякаго выкупа всей занятой ими на феодальныхъ условіяхъ земли. Эта мысль, ясно сквозящая въ крестьянскихъ наказахъ, совершенно чужда общимъ наказамъ третьяго сословія, которые не рѣшаются итти дальше выкупа феодальныхъ повинностей по справедливой оцѣнкѣ или допускаютъ уничтоженіе безъ выкупа только личной зависимости и ея пережитковъ.

У крестьянъ не было въ началѣ вождей, которые могли бы дать ихъ движенію правильную организацію и ясную обдуманную программу.

Выдѣлить ихъ изъ своей среды крестьяне, слишкомъ задавленные нуждой, разобщенные другъ съ другомъ и удаленные отъ центровъ умственной жизни, еще не могли, — расчитывать же на помощь извнѣ было трудно. Городскіе рабочіе сами были слабы и малосознательны, а буржуазія не имѣла особыхъ побужденій заниматься организаціей крестьянства. Буржуазные революціонеры смотрѣли на крестьянскія волненія лишь какъ на проявленіе анархіи, опасное скорѣе для революціи, чѣмъ для ея враговъ. Правда, крестьянскій вопросъ, или точнѣе вопросъ о народной нищетѣ, во второй половинѣ 18-го столѣтія сталъ интересовать французское «общество», и, по словамъ Вольтера, «пресытившись стихами, комедіями, романами»[1]), «нація принялась наконецъ разсуждать о хлѣбѣ», но это были пока бесѣды салоннаго характера, и сколько-нибудь серьезнаго и глубокаго освѣщенія крестьянскаго вопроса въ литературѣ еще не было.

Буржуазія начала революцію отнюдь не во имя крестьянскихъ интересовъ. Крестьянскій вопросъ ставился ею лишь попутно, поскольку онъ былъ связанъ съ интересами самой буржуазіи, т. е. съ установленіемъ буржуазнаго типа земельной собственности и съ измѣненіемъ податной системы въ духѣ уничтоженія дворянскихъ привилегій.

Крестьянство разсматривалось, какъ неразрывная часть третьяго сословія.

Неопредѣленность этого термина представляла для буржуазіи большія удобства.

Большинство понимало подъ третьимъ сословіемъ весь народъ, за исключеніемъ духовенства и дворянъ, а сама буржуазія склонна была выдвигать подъ этимъ названіемъ самое себя: такимъ образомъ ин-

---

[1]) Ср. *Карѣевъ*. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти 18-го в. Стр. 210.

тересы націи незамѣтно подмѣнялись интересами буржуазіи.

Когда внутри третьяго сословія слишкомъ прозрачно выступали классовыя противорѣчія, и «неточность» такой терминологіи становилась очевидной, буржуазія спѣшила объявить истинными интересами третьяго сословія то, что совпадало съ ея интересами, а все остальное клеймило, какъ проявленіе анархіи, контръреволюціонной агитаціи и преступной демагогіи[1]).

Революціонная буржуазія всегда готова была въ самомъ началѣ душить самостоятельныя выступленія крестьянства и попытки крестьянъ выйти за предѣлы предписанной всему третьему сословію программы; только въ моменты сильной опасности справа буржуазія рѣшалась отступать отъ этой тактики.

Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, что революціонная буржуазія противъ собственной воли выдвинула и разрѣшила крестьянскій вопросъ и что безъ активнаго вмѣшательства въ революцію самого крестьянства она не вышла бы изъ рамокъ той умѣренности, которая даже самой революціонной въ мірѣ буржуазіи диктовалась ея классовымъ положеніемъ.

Однако, если при началѣ революціи крестьянство игнорировалось вообще, какъ самостоятельная политическая величина, то ни дворянство съ его привиллегіями и феодальнымъ взглядомъ на государство и собственность, ни буржуазія, выдвигавшая новыя политическія и правовыя начала, не могли не считаться съ крестьянствомъ, какъ съ крупной фи-

[1]) Не такъ же ли поступаютъ наши кадеты, объявляя крайнія партіи фактическими союзниками реакціи и присваивая себѣ монополію правильнаго пониманія «народной свободы»? Въ 1906 г. они пресерьезно увѣряли всѣхъ, что правительству очень хочется имѣть въ Думѣ соціалистовъ. (Они, кадеты, имѣли на этотъ счетъ самыя положительныя данныя!) Послѣдовавшія затѣмъ сенатскія разъясненія воочію доказали, что царское правительство въ дѣлахъ революціи смыслило куда больше нашихъ кадетовъ.

зической силой, дававшей возможность безъ труда сокрушить противника, въ случаѣ привлеченія ея на свою сторону. Оба противника были очень озабочены этимъ во время выборовъ въ Генеральные Штаты.

Дворяне агитируютъ на почвѣ недовѣрія крестьянства къ городскимъ элементамъ, доказывая крестьянамъ противоположность интересовъ города и деревни и выставляя себя естественными защитниками сельскихъ интересовъ. Они требуютъ даже отдѣльнаго представительства для крестьянъ, т.-е. выдѣленія ихъ изъ третьяго сословія, расчитывая, конечно, что при этомъ условіи имъ легче будетъ сдѣлать изъ крестьянъ слѣпое орудіе своихъ интересовъ, уловивъ ихъ въ свои реакціонныя сѣти.

Представители третьяго сословія агитировали въ противоположномъ направленіи, доказывая крестьянамъ, что дворянскія привилегіи и феодальные порядки есть зло, съ которымъ въ первую голову должны бороться и городъ, и деревня.

Въ исходѣ этого состязанія не могло быть сомнѣній. Какъ ни враждебно были мѣстами настроены крестьяне къ городской буржуазіи, какъ участницѣ хлѣбныхъ спекуляцій и представительницѣ крупнаго хозяйства въ деревнѣ, главными своими врагами они все же считали, конечно, дворянъ, и первая ихъ мысль направлялась сама собою на уничтоженіе феодальнаго гнета. Правда, раздѣленіе феодальныхъ повинностей на личныя и поземельныя, выдвигавшееся буржуазными политиками, не могло быть особенно по душѣ крестьянамъ, но оно проводилось пока лишь въ теоріи, его условность и искусственность не успѣла еще раскрыться во всей своей полнотѣ.

Благодаря такой перекрестной агитаціи уже выборы въ Генеральные Штаты должны были сильно взбудоражить крестьянъ. Они будили ихъ надежды, вызывали напряженное ожиданіе перемѣнъ.

Послѣ взятія Бастиліи это выжидательное настроеніе перешло въ открытое крестьянское возстаніе, отдѣльныя вспышки котораго прорывались впрочемъ и раньше[1]). Это спѣшное выступленіе крестьянъ являлось съ ихъ стороны своего рода выраженіемъ недовѣрія Національному Собранію, и они едва ли были неправы. Кто знаетъ, когда и какъ разрѣшило бы Національное Собраніе крестьянскій вопросъ, если бы крестьяне, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, не принялись собственными силами освобождать свою землю и уничтожать помѣщичьи права?

Передъ началомъ возстанія крестьяне пережили своеобразный моментъ замѣшательства и неопредѣленнаго страха. Изъ деревни въ деревню прошелъ кѣмъ-то пущенный слухъ о «разбойникахъ», идущихъ грабить крестьянское добро. Крестьяне, вооруженные чѣмъ попало, выходили въ поле навстрѣчу загадочному врагу. Только убѣдившись, что никакихъ разбойниковъ тамъ нѣтъ, вооруженныя толпы крестьянъ направляли свой гнѣвъ на дворянскіе замки.

Трудно сказать, чѣмъ вызванъ былъ этотъ страхъ «разбойниковъ». Современники во главѣ съ Національнымъ Собраніемъ объясняли его сознательной агитаціей контръ-революціонеровъ, желавшихъ представить въ глазахъ крестьянъ парижское возстаніе, какъ дѣло разбойниковъ, для которыхъ довольно безразлично, громятъ ли они государственную тюрьму, уничтожаютъ ли крестьянскіе посѣвы[2]).

---

[1]) За 4 мѣсяца до взятія Бастиліи Тэнъ насчитываетъ болѣе 300 вспышекъ крестьянскаго волненія.

[2]) Если эта догадка была справедлива, то невольно напрашивается аналогія между этими французскими «разбойниками» и русскими «студентами» и «забастовщиками», которыми еще такъ недавно пугали у насъ воображеніе темныхъ народныхъ массъ. Съ грустью приходится признать, что

Жоресъ высказываетъ и другое предположеніе (ср. Jaurès, La Constituante). Быть можетъ, говоритъ онъ, это былъ страхъ передъ болѣе реальной опасностью, именно передъ толпами того бездомнаго сельскаго люда, который такъ часто злоупотреблялъ своимъ правомъ «глянажа» и всегда былъ ненавистенъ крестьянамъ. Быть можетъ, опасеніе за свою собственность, страхъ передъ нищимъ пролетаріатомъ и помѣшалъ имъ безъ всякаго колебанія обрушиться на собственность дворянъ.

Нападая на дворянскіе замки, крестьяне имѣли въ виду вполнѣ опредѣленную цѣль — уничтоженіе феодальныхъ правъ. Они старательно разыскивали въ замкахъ и истребляли всѣ относящіеся къ нимъ документы, видя въ этомъ какъ бы символъ своего освобожденія. Иногда громились при этомъ и самые замки, тоже какъ символъ помѣщичьей власти, но отъ насилій надъ людьми, а тѣмъ болѣе отъ убійствъ, крестьяне всячески удерживались. Это было, слѣдовательно, уже сознательное въ значительной степени движеніе, непохожее на прежніе голодные бунты.

Крестьянскій гнѣвъ не всегда направлялся исключительно противъ дворянъ: наряду съ дворянскими имѣніями сплошь и рядомъ подвергались разгрому имѣнія богатыхъ буржуа, такъ что крестьянское движеніе принимало мѣстами характеръ движенія противъ крупной земельной собственности. Немудрено что оно испугало буржуазію, быть можетъ, не меньше, чѣмъ самихъ дворянъ, и буржуазная національная гвардія весьма охотно выступала изъ городовъ на усмиреніе возставшихъ крестьянъ. Иначе отнеслось къ движенію рабочее населеніе городовъ. Въ Ліонѣ рабочіе градомъ камней встрѣтили

русскимъ черносотенцамъ въ 20-мъ вѣкѣ удалось пожать на этомъ поприщѣ гораздо болѣе обильные плоды, чѣмъ ихъ французскимъ собратьямъ въ 18-мъ.

національныхъ гвардейцевъ, возвращавшихся съ одной изъ такихъ «карательныхъ экспедицій».

VI.

Итакъ, крестьянскій вопросъ былъ поставленъ на очередь прежде, чѣмъ успѣло подумать о немъ Національное Собраніе, поставленъ прямо и рѣшительно, какъ никогда не поставила бы его буржуазія.

Однако Національное Собраніе и тутъ еще не сразу рѣшилось подойти вплотную къ крестьянскому вопросу. Феодальная собственность слишкомъ тѣсно переплеталась съ буржуазной, чтобы оно приступило къ его разрѣшенію такъ же смѣло, какъ крестьяне.

Потакать крестьянству не значило ли содѣйствовать потрясенію основъ собственности? спрашивали себя невольно буржуазные революціонеры. Съ первыми же вспышками крестьянской революціи передъ ними вставалъ неопредѣленный, но грозный для нихъ призракъ чернаго передѣла, или «аграрнаго закона», какъ выражались тогда.

«Невѣжество, или скорѣе глупость народа, — пишетъ въ сентябрѣ 1789-го года одинъ изъ революціонныхъ парижскихъ журналовъ, — заставляетъ его иногда думать, что равенство и свобода какъ бы предполагаютъ за нимъ право на раздѣлъ имущества; отсюда большая часть тѣхъ грабежей, которые опустошаютъ наши провинціи».

Собраніе колебалось — ступить ли ему на путь рѣшительныхъ репрессій или закрѣпить за крестьянствомъ побѣду. Выходъ изъ затрудненія данъ былъ дворянами: они во время сообразили, что для нихъ гораздо выгоднѣе «добровольно» отказаться отъ уничтоженныхъ уже фактически самими крестьянами феодальныхъ правъ и получить за нихъ выкупъ, чѣмъ остаться и безъ выкупа, и безъ правъ.

Дворянскіе депутаты въ ночь на 4-е августа вы-

разили свою полную готовность отказаться отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій.

«Справедливость не позволяетъ, конечно, — прибавляли они устами своихъ ораторовъ, д'Эгильона и де Ноайля, — справедливость не позволяетъ требовать уничтоженія какой бы то ни было собственности, не назначивъ ея владѣльцу справедливаго вознагражденія»; повинности крестьянъ, кромѣ случаевъ личнаго рабства, не могутъ поэтому быть уничтожены безъ выкупа, но слѣдуетъ «представить общинамъ право выкупать феодальныя повинности по справедливой оцѣнкѣ (d'une juste estimation), именно по средней годовой доходности, вычисленной за 10 лѣтъ»[1]).

Феодальныя прав ауничтожались, слѣдовательно, «добровольно» самими ихъ владѣльцами: ничье право собственности насильственно не нарушалось. Нельзя было желать лучшаго выхода изъ затрудненія, въ которомъ находилась буржуазія. Уничтоженіе ненавистныхъ и ей дворянскихъ правъ осуществлялось безъ всякаго колебанія основъ собственности!

Итакъ, Собраніе единодушно и восторженно декретировало «окончательную отмѣну феодальнаго строя», а для выработки полнаго законопроекта избрала изъ своей среды особый «феодальный комитетъ» въ составѣ 16 адвокатовъ, 4 дворянъ, 3 землевладѣльцевъ-буржуа и даже 2 крестьянъ.

Однако «окончательная» отмѣна феодальнаго строя оказалась на практикѣ еще неокончательной.

Такъ думали, по крайней мѣрѣ, крестьяне, понимавшіе подъ ней совсѣмъ не то, что понимало, издавая свой декретъ, Національное Собраніе. Они понимали подъ окончательной отмѣной феодальнаго строя, провозглашенной въ первыхъ строкахъ де-

[1]) Читая объ этой «справедливой оцѣнкѣ», вычисленной по средней годовой доходности, такъ и хочется сказать: «Нѣтъ въ исторіи ничего, что бы не повторялось!»

крета, немедленное уничтоженіе всякихъ феодальныхъ повинностей и оброковъ, а декретъ отмѣнялъ безъ выкупа лишь тѣ изъ нихъ, о происхожденіи которыхъ изъ личнаго рабства не могло быть никакихъ споровъ, а отъ остальныхъ лишь разрѣшалъ крестьянамъ откупаться: громадное большинство феодальныхъ повинностей подлежало еще выкупу.

Общая стоимость подлежавшихъ выкупу феодальныхъ повинностей оцѣнивалась приблизительно въ 3 600 000 000 ливровъ. Могло ли полуголодное французское крестьянство въ сколько нибудь короткій срокъ выплатить такую огромную сумму? А, вѣдь, оно нуждалось кромѣ того въ новыхъ участкахъ земли, сверхъ занятыхъ уже ими, и эту землю оно должно было также за деньги пріобрѣтать изъ такъ называемаго національнаго фонда. Право выкупа для большинства крестьянъ сводилось, такимъ образомъ, къ нулю, и легко понять, почему они не могли согласиться съ тѣмъ толкованіемъ его «отмѣны», которое имъ предлагалось буржуазными законодателеми. Августовскій декретъ не могъ успокоить крестьянъ: послѣ того, какъ они силой вырвали его у Національнаго Собранія, имъ предстояло силой же внушить законодательной власти единственно правильное въ ихъ глазахъ его толкованіе.

Гораздо рѣшительнѣе покончило Національное Собраніе съ вопросомъ объ отмѣнѣ церковной десятины и конфискаціи церковныхъ земель.

Здѣсь было менѣе опасности потрясти основы собственности: эта собственность была не личная; передача ея въ руки государства не нарушало, казалось, ничьихъ личныхъ правъ. По крайней мѣрѣ, такъ могли законодатели оправдать эти мѣропріятія въ глазахъ общества. «Церковныя имѣнія принадлежатъ націи», заявилъ въ Собраніи одинъ изъ ораторовъ, и Собраніе съ нимъ согласилось.

Ораторы одинъ за другимъ доказывали, что

десятина и церковныя имѣнія — не что иное, какъ плата церкви за ея услуги націи, и что, если нація найдетъ для себя болѣе удобнымъ инымъ путемъ, напримѣръ, при помощи жалованія, вознаграждать служителей церкви, тѣмъ самымъ она возвратитъ себѣ право на эти, условно уступленные церкви, источники дохода.

Насколько основательны были съ юридической и исторической точки зрѣнія такія разсужденія — вопросъ иной, но Собраніе ухватилось за нихъ, какъ за серьезное средство успокоить крестьянъ, не посягая на право частной собственности и не дѣлая явно революціонныхъ шаговъ.

Конфискація церковныхъ земель въ пользу государства вызывалась кромѣ того необходимостью обезпечить выпускъ процентныхъ бумагъ и ассигнацій, задуманный для предупрежденія полнаго краха государственнаго казначейства.

Сперва былъ разрѣшенъ вопросъ о церковной десятинѣ. Послѣ тщетныхъ споровъ и сопротивленія духовенство 11-го августа устами парижскаго архіепископа «добровольно» отказалось отъ нея. $2^1/_2$ мѣсяца спустя (2-го ноября) была рѣшена и конфискація въ пользу государства церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. «Сегодня посягаютъ на нашу собственность, — говорилъ въ Національномъ Собраніи по поводу этой мѣры главный защитникъ церковныхъ имѣній, аббатъ Моро, — въ будущемъ то же случится и съ вашей. Народъ примѣнитъ къ вамъ всѣ тѣ юридическія основанія, которыя вы примѣняете по отношенію къ намъ. Вамъ тоже поставятъ на видъ вашу безнравственность, и первое финансовое затрудненіе затронетъ и пожретъ ваши наслѣдственныя имѣнія». Аббатъ Моро хотѣлъ подчеркнуть шаткость юридическихъ основаній, которыми Національное Собраніе хотѣло оправдать конфискацію церковной земли. Онъ былъ правъ: во-

преки всѣмъ хитросплетеніямъ буржуазныхъ ораторовъ, конфискація была по существу мѣрой революціонной; логика революціи пересилила логику буржуазной умѣренности и властно толкнула Національное Собраніе на революціонный путь. Сопротивленія были тщетны. Наклонная плоскость, на которую попали буржуазные законодатели, привела ихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и къ уничтоженію феодальныхъ правъ и конфискаціи дворянской собственности. Въ этомъ смыслѣ Моро оказался пророкомъ.

Образуя національный земельный фондъ изъ конфискованной земли, Національное Собраніе преслѣдовало, какъ мы видѣли, двѣ цѣли — пополненіе государственнаго казначейства и удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Неотложность первой цѣли сдѣлала невозможнымъ достаточно полное осуществленіе второй — большая часть церковныхъ имѣній попала фактически въ руки тѣхъ, кто имѣлъ возможность быстро уплатить государству нужное количество денегъ; т. е. прежде всего въ руки зажиточныхъ буржуа. Однако нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы былъ облегченъ переходъ земли къ крестьянамъ, были все-таки приняты и не оказались безплодны: была допущена, напримѣръ, разсрочка платежей; при продажѣ крупныхъ имѣній допускалось ихъ дробленіе на мелкіе участки; въ цѣляхъ предупрежденія спекуляцій завѣдываніе распродажей имѣній поручалось мѣстнымъ муниципалитетамъ, покупавшимъ ихъ предварительно у государства. Въ результатѣ, въ различныхъ департаментахъ, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ большей или меньшей близости крупныхъ городовъ, иначе говоря отъ большаго или меньшаго участія въ торгахъ городской буржуазіи, въ руки земледѣльцевъ-крестьянъ и мелкихъ городскихъ буржуа перешло отъ 14 до 55% всей поступившей въ продажу церковной земли.

Иногда крестьяне (особенно въ сѣверныхъ департаментахъ) покупали землю товариществами по 20, 30, 60 и даже 100 человѣкъ, а потомъ уже дѣлили ее по паямъ.

Это участіе крестьянъ въ распредѣленіи конфискованныхъ революціей земель установило первую прочную связь крестьянства съ революціей; во имя сохраненія за собой этой новой собственности крестьяне должны были поддерживать революцію и противиться попыткамъ возстановленія прежнихъ порядковъ.

VII.

Отмѣна церковной десятины и привлеченіе крестьянъ къ покупкѣ церковныхъ имѣній хотя временно примирило ихъ съ фактическимъ сохраненіемъ ихъ феодальныхъ повинностей, хотя временно отвлекло ихъ вниманіе отъ самаго больного для нихъ вопроса. Мѣстами дворянамъ, не желавшимъ считаться съ изданнымъ уже закономъ, удавалось собирать съ крестьянъ, злоупотребляя ихъ темнотой, даже отмѣненные 4 августа сборы.

Такое, сравнительно спокойное, настроеніе крестьянства позволило избранному Національнымъ Собраніемъ феодальному комитету не слишкомъ торопиться со своей работой.

Только въ мартѣ и маѣ слѣдующаго (1790-го) года Національное Собраніе могло издать, наконецъ, законы, долженствовавшіе осуществить на практикѣ то, что въ августѣ 1789-го года было провозглашено, какъ принципъ.

Законы были изданы. Но не такіе законы могли успокоить крестьянство или поддержать его мирное настроеніе; то, что въ теченіе 7 мѣсяцевъ высидѣлъ феодальный комитетъ, могло лишь вызвать новую бурю. Крестьянскому взгляду на феодальныя права въ законахъ 15 марта и 3 мая не было сдѣлано ни-

какихъ уступокъ; къ дѣйствительному уничтоженію этихъ правъ не подвинулись ни на шагъ. Напротивъ, все въ новыхъ законахъ будто нарочно было придумано для того, чтобы затруднить крестьянамъ выкупъ. Не позволялось, напримѣръ, выкупать отдѣльныя повинности — можно было приступать къ выкупу лишь всѣхъ повинностей вмѣстѣ. Если повинности лежали на группѣ крестьянъ, то отдѣльнымъ членамъ ея права выкупа не предоставлялось: выкупаться могла только вся группа въ полномъ ея составѣ. Впредь до окончанія выкупа уплата повинностей должна была совершаться, какъ и раньше.

Выкупу подлежали почти всѣ повинности. Такихъ, которыя явно вытекали бы изъ отношеній личной зависимости и уничтожались поэтому безъ выкупа, сохранилось слишкомъ немного, чтобы въ отмѣнѣ ихъ можно было видѣть серьезное облегченіе крестьянскаго положенія. Въ сомнительныхъ случаяхъ крестьяне должны были доказывать свое право документами, что фактически равнялось толкованію всѣхъ такихъ случаевъ въ пользу помѣщика: откуда могли крестьяне достать документы?

Мартовскій и майскій законы не обманули крестьянства. Оно явственно ощущало на своей спинѣ прежній феодальный гнетъ, и никакія пышныя фразы не могли пересилить этого живого ощущенія. Разъ поставивъ передъ собою опредѣленную цѣль, крестьяне продолжали итти къ ней, сокрушая на пути препятствія: слишкомъ насущная потребность диктовала имъ эту цѣль.

Отношеніе крестьянства къ новымъ законамъ обнаружилось очень скоро. Въ Національное Собраніе прежде всего посыпались крестьянскія заявленія и петиціи. «Декретъ навелъ на жителей страшное уныніе», «декретъ заставляетъ насъ не радоваться, а горевать», «декретъ составляетъ несчастіе для крестьянъ: онъ *возстановляетъ феодаль-*

ныя права, отмѣненныя 4-го августа» — вотъ какими фразами пестрятъ эти крестьянскія заявленія. Избиратели одного округа такъ начинаютъ свое письмо въ Національное Собраніе: «Вынужденные воплемъ народа, мы сочли за долгъ изложить вамъ свои страшныя тревоги и всеобщее отчаяніе, произведенное вашимъ декретомъ». (Ср. Карѣевъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти 18 вѣка. Стр. 445.)

Но дѣло не ограничивалось, конечно, заявленіями. Донесенія мѣстныхъ властей, поступавшія въ Собраніе, были одно другого тревожнѣе. Изъ департамента Ло, напримѣръ, 22 сентября 1790 года доносили: «мы всѣми мѣрами хотѣли удержать сельское населеніе въ рамкахъ ихъ долга, мы пробовали успокоить его языкомъ разума и законности и въ этомъ смыслѣ составили къ нему обращеніе. Его съ благодарностью приняли всѣ добрые граждане, но для людей злонамѣренныхъ оно послужило лишь поводомъ къ гнуснымъ инсинуаціямъ и мятежному движенію. Мѣстами сельскія власти даже не рѣшились прочесть нашу прокламацію, мѣстами имъ не дали ее дочитать. Въ одной общинѣ священника, который прочелъ ее прихожанамъ, силою заставили объявить прокламацію лживой и подложной . . .

Крестьяне строютъ даже висѣлицы для тѣхъ, кто согласится платить или собирать оброки . . .

Владѣльцы не рѣшаются требовать слѣдуемыхъ имъ платежей. Недавно у самыхъ воротъ города, гдѣ происходило наше засѣданіе, крестьяне воздвигли висѣлицу и увѣшали ее зажигательными прокламаціями. Только вызовомъ солдатъ и національныхъ гвардейцевъ, которые съ большимъ одушевленіемъ шли возстановлять спокойствіе и защищать безопасность и собственность гражданъ, удалось воздѣйствовать на сельскія власти и заставить ихъ

убрать висѣлицу и прокламаціи». (Jaurès, La Législative, p. 763.)

Нѣсколько позже (въ январѣ 1791-го года) депутатъ округа Перигоръ въ такомъ видѣ описывалъ въ Національномъ Собраніи настроеніе мѣстныхъ крестьянъ: «Крестьяне единодушно отказываются платить ренты; они составляютъ союзы, собираются на сходки, постановляютъ, чтобы никто не смѣлъ платить оброковъ подъ страхомъ висѣлицы. Они врываются въ дома сеньоровъ, духовныхъ особъ и другихъ зажиточныхъ людей, производятъ погромы, требуютъ возвращенія уже внесенныхъ оброковъ».

Однако Національное Собраніе не считало еще положеніе слишкомъ опаснымъ. Оно не нашло пока ничего лучшаго, какъ обратиться къ крестьянамъ съ воззваніемъ, главная мысль котораго заключалась въ томъ, что, издавая декретъ 6-го августа, Собраніе не хотѣло дѣлать ни прямыхъ, ни косвенныхъ посягательствъ на «священное и неприкосновенное право собственности».

Можно думать, что подобный манифестъ былъ встрѣченъ населеніемъ не съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ нравоучительная прокламація муниципальныхъ властей департамента Ло.

VIII.

Законодательное собраніе, открывшееся въ октябрѣ 1791-го года[1]), быть можетъ, также невнимательно отнеслось бы къ крестьянскимъ требованіямъ, вполнѣ расчитывая на «одушевленіе» національныхъ гвардейцевъ и солдатъ, если бы въ крестьянскихъ жалобахъ, продолжавшихъ сыпаться и въ Законодательное Собраніе, не зазвучала новая нота, осо-

[1]) Законодательное Собраніе, смѣнившее первое Національное Собраніе, образовавшееся революціоннымъ путемъ изъ депутатовъ Генеральныхъ Штатовъ, собралось на основаніи конституціи, утвержденной королемъ въ сентябрѣ 1791 года.

бенно страшная для революціонной буржуазіи въ виду опасностей, уже съ конца 1791 года грозившихъ ей извнѣ[1]).

Мало того, что крестьяне говорятъ въ своихъ заявленіяхъ уже болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ, обвиняя Собраніе въ потворствѣ дворянамъ и въ полномъ пренебреженіи крестьянскими нуждами, — они прямо указываютъ на возможность гражданской войны и отпаденіе крестьянъ отъ революціи.

«Уже 21 мѣсяцъ прошелъ, какъ изданъ законъ о феодальномъ строѣ, — говоритъ въ своемъ письмѣ одна изъ сельскихъ общинъ, — но еще ни одинъ плательщикъ связанныхъ съ нимъ ненавистныхъ налоговъ отъ нихъ не освободился. Если Собраніе не позволитъ намъ выкупать постоянныя подати отдѣльно отъ случайныхъ[2]), то люди еще тысячи лѣтъ не будутъ свободными . . . Только въ томъ случаѣ революція привлечетъ къ себѣ народное расположеніе, и конституція будетъ прочной, если вы въ большей, чѣмъ это было доселѣ, степени облегчите выкупъ феодальныхъ правъ».

«Сохраненіе и объявленіе подлежащими выкупу, на основаніи декрета 15 марта 1790 года, ренты и другихъ феодальныхъ правъ, — пишетъ въ мартѣ 1792 года другая сельская община (департамента Ло и Гаронна), — *можетъ вызвать лишь гражданскую войну* . . .

Національное Собраніе должно принять серьезныя мѣры къ уменьшенію ренты и къ облегченію выкупа. Нація должна взять этотъ выкупъ на себя . . . Въ случаѣ крайности крестьяне противопоставятъ силу силѣ, такъ какъ жизнь при такихъ условіяхъ для нихъ вовсе недорога».

[1]) Война съ Австріей началась въ апрѣлѣ 1792 года.

[2]) Постоянными податями назывались подати, платившіяся ежегодно въ опредѣленномъ размѣрѣ; случайными — пошлины, взимавшіяся при продажѣ земли, переходѣ по наслѣдству и пр.

Такія рѣчи не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія Законодательнаго Собранія. Внѣшняя война готова была начаться; приходилось защищать противъ иностранныхъ армій только что отвоеванныя у самодержавія позиціи, а внутри страны какъ разъ въ это время собирались съ силами и поднимали голову враждебныя революціи силы: духовенство давно уже вело въ деревнѣ агитацію противъ новыхъ порядковъ; поведеніе короля было болѣе, чѣмъ подозрительно[1]); недовольные, обманутые въ своихъ надеждахъ крестьяне представляли собою очень удобную почву для контръ-революціонной агитаціи.

Въ виду этой двойной опасности среди революціонной буржуазіи распространяется понемногу самое тревожное настроеніе.

«Патріотамъ придется, быть можетъ, скоро, — пишетъ одинъ изъ парижскихъ журналовъ въ октябрѣ 1791 года, — имѣть передъ собою двухъ враговъ: деспотизмъ и народъ; дворъ уже ищетъ случаевъ сблизиться съ народомъ, который можетъ стать въ его рукахъ слѣпымъ орудіемъ для борьбы съ Національнымъ Собраніемъ. Нація устала. Если не будутъ приняты мѣры, она вернется къ старымъ порядкамъ».

Итакъ, во что бы то ни стало необходимо было удовлетворить крестьянъ, во что бы то ни стало нужно было привлечь ихъ подъ знамена буржуазной революціи. Крестьяне обвиняютъ Національное Собраніе въ приверженности къ дворянскимъ интересамъ; — такъ пусть они на дѣлѣ увидятъ, что между феодалами и революціонной буржуазіей нѣтъ ничего общаго, что только въ единеніи со всѣмъ третьимъ сословіемъ могутъ крестьяне расчитывать на облегченіе своей участи. Наряду съ декретами противъ

[1]) Дворъ, какъ выяснилось потомъ изъ документовъ, состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, возбуждая ихъ противъ Франціи и готовясь помочь имъ въ случаѣ войны.

враговъ отечества — дворянъ-эмигрантовъ и непокорнаго новымъ закономъ духовенства, — необходимо издать законы, которые дали бы, наконецъ, крестьянамъ то, что было обѣщано имъ 4-го августа 1789 года.

«У насъ есть сильная армія, — говорилъ Кутонъ въ Законодательномъ Собраніи 29 февраля, — но она оправдаетъ наши надежды только въ томъ случаѣ, если ея сила и сила націи будутъ едины, если съ ея успѣхами народъ свяжетъ всѣ свои надежды . . . Народъ хотятъ привлечь къ революціи рѣчами, я хочу привлечь его благодѣтельными законами, которые навсегда бы сдѣлали для него драгоцѣннымъ званіе гражданина. Блестящія предначертанія закона 4-го августа оказались для народа лишь прекрасной мечтой, отъ которой въ его душѣ осталось лишь скорбное чувство . . .» Кутонъ предложилъ Собранію немедленно удовлетворить всѣ выставленныя въ крестьянскихъ заявленіяхъ требованія.

Необходимость разрѣшить крестьянскій вопросъ, въ виду надвигающейся на революцію опасности, ясно сознавалась буржуазіей, но и на этотъ разъ она не сразу рѣшилась покончить съ нимъ. Призракъ «аграрнаго закона» и потрясенія основъ собственности грозно стоялъ передъ ней и лишалъ свободы дѣйствія. Внесенные феодальнымъ комитетомъ въ Законодательное Собраніе предложенія и принятыя Собраніемъ рѣшенія были поэтому въ началѣ очень осторожны и скромны. Проектъ ограничивался уничтоженіемъ выкупа за «случайныя» (т.-е. пошлинныя) повинности, если владѣлецъ не докажетъ документально ихъ поземельнаго происхожденія. Иначе говоря, по отношенію къ данной группѣ повинностей обязанность доказывать правильность своихъ притязаній была перенесена съ крестьянина на помѣщика. Это чисто формальная съ виду поправка прежняго закона имѣла въ дѣйствительности большое значеніе: она была въ сущности равносильна

отмѣнѣ этихъ повинностей, такъ какъ фактически помѣщикъ такъ же рѣдко имѣлъ возможность представить въ свою пользу оправдательный документъ, какъ и крестьянинъ. Бѣда лишь въ томъ, что проектъ распространялся только на небольшую сравнительно часть феодальныхъ повинностей.

Какъ ни скроменъ былъ этотъ проектъ, однако и онъ возбудилъ въ Законодательномъ Собраніи продолжительныя и горячія пренія.

«Проектъ, — возражали докладчику осторожные законодатели, — ведетъ логически не только къ уничтоженію безъ выкупа и всѣхъ остальныхъ повинностей, но даже и къ конфискаціи у помѣщиковъ земли. Выступать же съ такими проектами значило бы забывать о всякихъ принципахъ: это прямо привело бы насъ къ аграрному закону. Всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ нація имѣетъ право измѣнить форму правленія, отмѣнить любой изъ касающихся политической жизни законовъ, но распространять это право на гражданскіе законы значило бы опрокинуть основные принципы общественнаго договора».

Послѣ двухмѣсячныхъ дебатовъ проектъ былъ однако принятъ (14 іюня 1792 года). Страхъ передъ «аграрнымъ закономъ» пришлось побороть, потому что война началась и шла неудачно, а внутри страны среди городской бѣдноты начиналось сильное броженіе по случаю высокихъ цѣнъ на продукты первой необходимости; нужно было успокоить по крайней мѣрѣ крестьянъ. А въ деревняхъ обнаруживался недородъ, и съ новой силой вспыхивало крестьянское движеніе.

Въ департаментахъ, близкихъ къ Парижу, оно носило по преимуществу аграрный характеръ, направляясь противъ крупныхъ фермеровъ, а благодаря недороду опять вспыхивала и исконная ненависть сельской бѣдноты къ хлѣбнымъ спекулянтамъ. Движеніе обнаруживало несомнѣнную ор-

ганизованность. Крестьяне громадными толпами двигались отъ деревни къ деревнѣ, вооруженные ружьями, топорами, ножами, вилами. Во главѣ каждой толпы они стараются поставить сельскія власти, желая черезъ это придать своимъ дѣйствіемъ видъ легальности. Въ случаѣ сопротивленія сельскія власти смѣщались и замѣнялись новыми. Въ дѣйствіяхъ проявлялась дисциплина и планомѣрность; безполезныхъ насилій, грабежей и поджоговъ избѣгали. Большею частью органичивались тѣмъ, что требовали у владѣльцевъ арендные договоры и революціоннымъ путемъ понижали арендныя цѣны, грозя землевладѣльцамъ насиліемъ въ случаѣ злоупотребленія. Дѣлались посягательства и на землю дворянъ, прежде всего на ту ея часть, которая составилась изъ захваченныхъ помѣщиками общинныхъ земель. Большую популярность пріобрѣтала мысль о необходимости конфисковать и подѣлить земли дворянъ-эмигрантовъ; крестьяне ловили жадно всѣ слухи о ихъ измѣнѣ отечеству и союзѣ съ внѣшними врагами, нападали на ихъ уцѣлѣвшіе замки, срывали съ нихъ дворянскіе гербы, иногда жгли и самые замки.

Революціонная буржуазія поспѣшила объяснить крестьянское движеніе происками контръ-революціонеровъ. Впрочемъ, не связанное съ опредѣленными политическими лозунгами, оно казалось иногда подозрительнымъ даже городскимъ санкюлотамъ[1]).

Такъ или иначе, но дѣломъ первой важности было снова связать крестьянское движеніе съ революціей и не дать реакціи использовать возбужденіе крестьянъ въ свою пользу. Реакція и дѣйствительно не дремала и давно уже дѣлала свое темное дѣло.

[1]) Санкюлотами называли тогда классъ городской бѣдноты — промышленные рабочіе, ремесленные подмастерья, мелкіе лавочники, не входившіе въ цехи мастеровъ городскихъ предмѣстій.

Раздраженные конфискаціей церковныхъ земель и уничтоженіемъ десятины, священники всячески раздували религіозный фанатизмъ крестьянъ, приглашая ихъ бороться съ революціей въ защиту христіанской религіи и церкви; они убѣждали крестьянъ не платить «безбожному правительству» никакихъ налоговъ, даже поддерживали въ крестьянахъ мысль о черномъ передѣлѣ, лишь бы вызвать анархію и подготовить возстановленіе старыхъ порядковъ . . .

IX.

Неизвѣстно, какъ разрѣшился бы въ концѣ концовъ крестьянскій вопросъ въ виду этой нерѣшительности и мнительности революціонной буржуазіи, если бы дальнѣйшее развитіе революціи не заставило ее заговорить инымъ языкомъ и если бы руководящая роль въ политикѣ не перешла временно къ санкюлотамъ и ихъ вождямъ.

Возстаніе парижскихъ санкюлотовъ 10 августа 1792 года привело къ отрѣшенію короля отъ власти и къ фактическому началу республики, — побѣда, которая была санкціонирована и Законодательнымъ Собраніемъ. Рѣшаясь на такой шагъ подъ вліяніемъ грозной опасности (на восточной границѣ), революціонная буржуазія должна была, наконецъ, отбросить свои страхи передъ «аграрнымъ закономъ» и смѣлыми рѣшительными реформами собрать вокругъ себя сочувствіе самыхъ широкихъ народныхъ массъ. Для колебаній не оставалось болѣе мѣста; голоса умѣренныхъ должны были умолкнуть. Дѣло шло, вѣдь, о всѣхъ завоеваніяхъ революціи.

Признаніе возникшаго въ Парижѣ во время возстанія революціоннаго самоуправленія (коммуны), провозглашеніе всеобщаго избирательнаго права, призывъ въ министерство вождя возстанія Дантона — таковы были немедленныя уступки Законодательнаго Собранія санкюлотамъ.

Крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ такъ же быстро. Крестьяне въ буквальномъ смыслѣ слова продиктовали Законодательному Собранію свои условія.

16-го августа въ Собраніе явилась депутація отъ крестьянъ Пуату и пожаловалась на судебныя преслѣдованія по взысканію феодальныхъ повинностей. Собраніе немедленно издало декретъ о прекращеніи всѣхъ подобныхъ преслѣдованій. Депутаты отъ Ланскихъ селеній потребовали уничтоженія всѣхъ феодальныхъ повинностей, не основанныхъ на прямыхъ документахъ. Собраніе тутъ же объявило уничтоженными безъ всякаго выкупа всѣ феодальныя права, не возникшія на почвѣ земельныхъ уступокъ.

Декретомъ 20-го августа была уничтожена обязательность единовременности при выкупѣ феодальныхъ повинностей и другія, стѣснявшія выкупъ, условія, а черезъ 5 дней послѣ этого (25 августа) былъ изданъ декретъ, уничтожавшій безъ выкупа большинство феодальныхъ правъ.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ рѣшенъ вопросъ о конфискаціи имѣній дворянъ-эмигрантовъ. Докладчикъ этого законопроекта въ Законодательномъ Собраніи прямо заявлялъ, что «въ отчужденіи имѣній эмигрантовъ, заключается *средство привлечь на сторону революціи сельскихъ жителей*»[1]). Проектъ, требовавшій сдачи этихъ имѣній въ аренду мелкими участками — «такъ чтобы ими могли воспользоваться бѣдные», — былъ принятъ Собраніемъ безъ преній. «Въ цѣляхъ увеличенія количества мелкихъ владѣльцевъ», какъ гласилъ этотъ проектъ, эмигрантскія земли подлежали раздѣлу на участки по 2—4 арпана (1—2 десятины) и съ торговъ отдавались въ безсрочную аренду съ правомъ выкупа въ собственность. Не дробились только лѣса: вмѣстѣ съ замками,

[1]) См. Jaurès. La Législative.

строеніями и всей движимостью они прямо поступали въ продажу.

Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль крестьяне получили отъ революціи больше, чѣмъ за весь предыдущій двухлѣтній ея промежутокъ. Таковъ былъ результатъ побѣдоноснаго возстанія парижскихъ санкюлотовъ.

Крестьяне не остались у революціи въ долгу. Получивъ отъ нея землю и свободу отъ феодальнаго гнета, они со своей стороны дѣятельно *поддержали республиканскій переворотъ* и на выборахъ въ Учредительное Собраніе (Національный Конвентъ), объявленныхъ Законодательнымъ Собраніемъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, отдали свои голоса республиканцамъ. Усилія враговъ революціи и умѣренныхъ монархистовъ окончились полной неудачей, и революціонныя партіи — жирондисты и монтаньяры[1]) — составили подавляющее большинство Конвента. Дѣятельную поддержку нашла въ крестьянахъ и республиканская армія. Вмѣсто того, чтобы стать на сторону защитниковъ королевской власти, какъ того ожидали французскіе аристократы-эмигранты, крестьяне въ провинціяхъ, занятыхъ непріятелемъ, повели противъ нихъ, по призыву республиканскаго генерала Дюмурье, дѣятельную партизанскую войну.

X.

Переходъ политическаго вліянія и фактической власти въ странѣ къ санкюлотамъ, совершившійся съ безмолвнаго согласія буржуазіи, напуганной грозной сплоченностью реакціи, заставилъ ее, од-

[1]) Жирондисты и монтаньяры — двѣ партіи, стоявшія за крайнія демократическія реформы. Въ Конвентѣ между ними начались разногласія, приведшія къ полному разрыву. Жирондисты склонялись при этомъ на сторону буржуазіи, а монтаньяры старались опереться на санкюлотовъ.

нако, немедленно же послѣ республиканскаго переворота съ опаской присмотрѣться къ своимъ слишкомъ безпокойнымъ союзникамъ.

Призракъ «аграрнаго закона» вставалъ теперь передъ нею, какъ опасность ближайшаго дня.

Вотъ почему первою мѣрою, принятою Конвентомъ, было торжественное заявленіе, что собственность каждаго находится подъ защитой націи, а черезъ 5 мѣсяцевъ (25 февраля 1793 г.) былъ выпущенъ и болѣе рѣшительный декретъ, прямо установлявшій смертную казнь «для всякаго, кто предложитъ «аграрный законъ» или вообще грозящую собственности революціонную мѣру».

Газеты и брошюры наполнились новыми разсужденіями объ аграрномъ законѣ и о тѣхъ опасностяхъ, которыми онъ грозитъ общему благу. Политическіе клубы, и даже наиболѣе демократическіе изъ нихъ, какъ клубъ якобинцевъ, на своихъ засѣданіяхъ выносили одну за другой резолюціи, подтверждающія святость и неприкосновенность собственности.

Тревоги буржуазіи были не случайны. Санкюлотское движеніе съ осени перекинулось въ деревни и охватило всѣ прилегавшіе къ Парижу департаменты. Волненія крестьянъ приняли на этотъ разъ новыя, грозныя для буржуазіи формы. Крестьяне противополагали себя не столько духовенству и дворянамъ, почти лишеннымъ уже своихъ земель и привилегій, сколько капиталистамъ, крупнымъ собственникамъ и фермерамъ. Крестьяне явно выходили изъ рамокъ, указанныхъ имъ принадлежностью къ третьему сословію. «Довольно натѣшились богачи и капиталисты, настала очередь и бѣдныхъ работниковъ» — такъ говорили они по словамъ ѣздившихъ на мѣста комиссаровъ Конвента.

Подробный разсказъ о движеніи въ департаментѣ Шеръ и Луара дали въ Конвентѣ явившіеся

оттуда депутаты. «Возстаніе началось съ Монмиральскаго лѣса, — разсказывали они. — Крестьянская толпа силою присоединила къ себѣ рабочихъ монмиральскаго стекляннаго завода и двинулась въ Мондубло, гдѣ и установила таксу на хлѣбъ. Мѣстныхъ жителей она присоединила къ себѣ и направилась дальше . . . Въ Вандомъ они прибыли уже въ числѣ 3000 человѣкъ съ 300 всадниковъ во главѣ. Въ пятницу вечеромъ толпа, дошедшая до Блуа, достигла численности уже 12—15 тысячъ . . . Жители Вандома отказались итти за толпой, и селеніе было сожжено.»

Главною цѣлью, которую преслѣдовали крестьяне этимъ движеніемъ, было установленіе таксы на хлѣбъ. Кромѣ насильственныхъ дѣйствій крестьяне пользовались для этой цѣли и легальнымъ путемъ, направляя въ Конвентъ свои петиціи. Установленіе таксы на хлѣбъ, ограниченіе свободы хлѣбной торговли, уничтоженіе слишкомъ крупныхъ фермъ — вотъ главное ихъ содержаніе.

Законъ 3-го мая 1793 года, устанавливавшій наибольшую цѣну (максимумъ) на печеный и зерновой хлѣбъ, былъ вырванъ у Конвента не одними парижскими санкюлотами; они опирались на сочувствіе и дѣятельную поддержку сельскихъ полупролетарскихъ массъ.

Чѣмъ же отвѣчалъ Конвентъ на другія крестянскія требованія? Парижскія возстанія 31 мая и 2 іюня 1793 года изгнали изъ Конвента жирондистовъ и отдали власть въ руки монтаньяровъ. Встревоженная буржуазія подняла въ департаментахъ открытое возстаніе противъ Парижа, чувствуя, что дѣло зашло слишкомъ далеко и что успѣхи санкюлотовъ начинаютъ угрожать ея кореннымъ интересамъ. Тѣмъ болѣе приходилось монтаньярамъ спѣшить закрѣпить за собою побѣду реформами въ пользу крестьянъ. Декретомъ 17 іюля 1793 года

Конвентъ уничтожилъ послѣдніе остатки феодализма въ деревнѣ: всѣ повинности, выкупъ за которыя не былъ уничтоженъ декретами Законодательнаго Собранія, окончательно и безъ всякаго выкупа уничтожались; всякіе феодальные документы подлежали выдачѣ муниципальнымъ властямъ и уничтоженію.

Второй декретъ о крестьянахъ касался раздѣла общинныхъ земель, общая площадь которыхъ, по даннымъ, находившимся въ рукахъ докладчика, достигала 8 милліоновъ арпановъ (около 4 милл. десятинъ); фактически, какъ мы видѣли, вся эта земля находилась въ распоряженіи богатыхъ членовъ общины — буржуа и зажиточныхъ крестьянъ. Эти деревенскіе «нотабли» претендовали на исключительное владѣніе общинными землями и на отстраненіе отъ нихъ «мужиковъ». Въ лучшихъ случаяхъ община распредѣляла свою землю между своими членами пропорціонально частной собственности каждаго, и опять таки, слѣдовательно, къ ущербу болѣе бѣдныхъ.

Немудрено поэтому, что деревенская бѣднота единодушно и настойчиво требовала раздѣла общинныхъ земель. Немудрено, что и крайніе демократы, вродѣ Марата, требовали этой мѣры отъ имени бѣдныхъ и поносили эгоизмъ богачей, противившихся раздѣлу. Для малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, лишенныхъ возможности получить долю при распродажѣ церковныхъ и дворянскихъ имѣній, раздѣлъ являлся единственнымъ средствомъ получить землю. Навстрѣчу желаніямъ деревенской бѣдноты и шелъ Конвентъ, издавая свой декретъ объ общинныхъ земляхъ. Онъ дѣлалъ обязательнымъ поголовный раздѣлъ общинной земли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за него высказывалась $^1/_3$ членовъ общины. Участки, распредѣлявшіеся по жребію между всѣми безъ различія пола и возраста, въ те-

ченіе десяти лѣтъ послѣ раздѣла считались неотчуждаемыми.

Монтаньярское правительство позаботилось также объ ускореніи совсѣмъ было пріостановившейся распродажи національныхъ (т. е. конфискованныхъ дворянскихъ и церковныхъ) имѣній. Послѣ переворота 2-го іюня распродажа пошла ускореннымъ темпомъ. Если принять во вниманіе, что при этой распродажѣ принимались всѣ мѣры къ раздробленію продаваемыхъ земель на мелкіе участки для облегченія ихъ покупки крестьянами, то можно утверждать, что и распродажу земли монтаньяры хотѣли сдѣлать средствомъ для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ и привлеченія крестьянъ на сторону революціи. Мѣры эти приводили къ желаннымъ результатамъ; Земельная собственность дѣйствительно дробилась. большинство имѣній переходило обыкновенно къ 10—12 новымъ владѣльцамъ. «Всюду республиканскій энтузіазмъ воодушевляетъ участниковъ торговъ, — писала современная событіямъ газета, — всюду торги сопровождаются криками: «да здравствуетъ республика!», «да здравствуетъ нація!»

XI.

Въ санкюлотскій періодъ французской революціи, начало котораго можно отнести къ парижскимъ возстаніямъ 31 мая и 2 іюня, устранившимъ изъ Конвента жирондистовъ, — силы демократіи развернулись съ наибольшей полнотой; мелкобуржуазные и пролетарскіе слои городского населенія получили громадное вліяніе на политику. Послѣднее обстоятельство и вызывало тревожное настроеніе буржуазіи, выражавшееся въ безконечныхъ подтвержденіяхъ неприкосновенности частной собственности.

Въ этотъ періодъ соціальный вопросъ дѣйствительно могъ выдвинуться на очередь съ большей, чѣмъ когда-нибудь, рѣшительностью.

Въ какихъ же формахъ выяснялся онъ передъ санкюлотскими массами, насколько основательны были тревоги буржуазныхъ политиковъ и какую позицію занимали крестьяне при этомъ временномъ обостреніи классовыхъ противорѣчій?

Мы видѣли, что монтаньяры продолжали по отношенію къ крестьянскому вопросу тактику Законодательнаго Собранія, доводя до конца всѣ начатыя послѣ 10 августа реформы. Подобно своимъ умѣреннымъ предшественникамъ, они стремились, слѣдовательно, опереться на крестьянство.

Санкюлотскіе вожди (которыхъ нельзя отождествлять съ монтаньярами), искали поддержки тамъ же, всѣ свои чаянія связывая съ крестьянствомъ. Самый соціальный вопросъ толковался ими главнымъ образомъ, какъ земельный; подъ словомъ «народъ» они, какъ и всѣ, понимали прежде всего крестьянъ. Иначе и быть, впрочемъ, не могло въ такой крестьянской странѣ, какъ Франція конца 18-го вѣка.

Городскіе санкюлоты были застрѣльщиками соціальныхъ движеній; они давали лозунги; они умѣли связать ихъ съ демократической программой, но сами были слишкомъ малочисленны и слабы; силой, на которую они опирались, проводя свои лозунги въ жизнь, и которая дала имъ возможность временно держать въ своихъ рукахъ Конвентъ и всю Францію, была масса деревенской бѣдноты, главнымъ образомъ, прилегавшихъ къ Парижу департаментовъ.

«Аграрный законъ» — вотъ тотъ лозунгъ, при помощи котораго санкюлотскіе политики стремились еще разъ связать судьбу крестьянства съ судьбой революціи. Въ то время, какъ въ городѣ кипѣли страсти и росло возбужденіе на почвѣ дороговизны продуктовъ, они усиленно старались подчеркнуть солидарность городскихъ санкюлотовъ съ крестьянами, указавъ выходъ и для тѣхъ, и для другихъ въ правильномъ распредѣленіи землепользованія.

Въ этомъ направленіи началась агитація и въ деревнѣ. Начала аграрнаго соціализма развивалъ, напримѣръ, передъ крестьянами революціонеръ- священникъ Доливье и, очевидно, имѣлъ успѣхъ. По крайней мѣрѣ, одна изъ сельскихъ общинъ (округа Этампа), выслушавъ его докладъ, въ видѣ особаго постановленія выразила ему свое сочувствіе. «Хотя мы и не могли понять всего содержанія доклада, — гоpорилось въ этомъ постановленіи, — но здравый смыслъ подсказываетъ намъ, что въ проектѣ заключается истина и что, дѣйствительно, крайне несправедливо, что люди разъ навсегда распредѣлили между собою область природы, такъ что одинъ рождается бѣднымъ, другой богатымъ».

Осенью 1793-го года Доливье опубликовалъ свой «Опытъ объ элементарной справедливости».

Вотъ его главныя мысли: «Земля должна разсматриваться, какъ великое достояніе всѣхъ, данное самой природой: каждый имѣетъ право на производимые ею продукты, каждый долженъ получить долю въ раздѣлѣ общаго достоянія».

«Если ни одно поколѣніе не можетъ предписывать обязательныхъ законовъ для другого поколѣнія, то тѣмъ болѣе оно не имѣетъ права распоряжаться его достояніемъ. Отсюда очевидно, что только нація и ея подраздѣленія, общины, являются дѣйствительными собственниками земли». Личной собственности на землю быть не должно, распредѣлять же землю между отдѣльными хозяевами должны общины. Вся общественная справедливость зиждется на двухъ началахъ: 1. земля принадлежитъ всѣмъ и никому въ отдѣльности, 2. никто не имѣетъ права посягать на продукты чужого труда. Все злое и вредное, что есть въ современномъ обществѣ, коренится, какъ въ источникѣ, въ частной собственности на землю.

Уничтоженіе крупныхъ экономій отнюдь не понизитъ, по мнѣнію Доливье, земледѣльческой куль-

туры, такъ какъ мелкое хозяйство въ агрономическомъ смыслѣ нисколько не уступаетъ крупному; обработка земли при мелкомъ хозяйствѣ улучшится, возрастетъ и ея производительность, недостатка въ хлѣбѣ на рынкѣ никогда не будетъ, и хлѣбныя спекуляціи станутъ невозможны[1]).

Доливье былъ не одинокъ, — съ проектами уравнительнаго землепользованія выступали и другіе политики. Но въ представленіи санкюлотскихъ массъ соціальный вопросъ не могъ, конечно, сводиться къ уравнительному землепользованію и ставился ея вождями, вообще говоря, шире. Отдѣльные вожди санкюлотовъ (вродѣ Шометта) доходили до требованія передачи въ собственность народа всѣхъ промышленныхъ предпріятій, а для всѣхъ ихъ вообще характерно стремленіе къ экономическому равенству и уничтоженію всякой эксплоатаціи.

Цѣли экономическаго равенства преслѣдовали и всѣ законодательныя мѣры, принятыя за время торжества санкюлотовъ — такса на хлѣбъ и предметы первой необходимости, прогрессивный налогъ и др. «Аграрный законъ» плѣнялъ санкюлотскіе умы, какъ картина новыхъ порядковъ, при которыхъ нѣтъ ни измѣнника-короля, ни праздныхъ аристократовъ, ни жадныхъ буржуа, набивающихъ карманы на народномъ голодѣ и готовыхъ, какъ и аристократы, продать отечество, какъ только это станетъ для нихъ выгоднымъ. Новые порядки должны разрушить всѣ порабощающіе народъ предразсудки, осуществить общую свободу и равенство, дать торжество бѣднотѣ надъ богатыми. Всѣ бѣдняки (городскіе и сельскіе)

[1]) Въ планахъ Доливье мы находимъ, такимъ образомъ, и «соціализацію земли», и «уравнительное землепользованіе» на трудовомъ началѣ («никто не имѣетъ права посягать на продуктъ чужого труда»), и преклоненіе передъ мелкимъ хозяйствомъ.

Въ существенныхъ чертахъ тутъ вся аграрная программа нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ.

должны итти заодно противъ богачей — скупщиковъ, крупныхъ владѣльцевъ и фермеровъ. «Аграрный законъ» долженъ дать хлѣбъ и свободу всѣмъ бѣднякамъ. Всякій получитъ здѣсь свою долю, всякій сможетъ прокормить себя своимъ собственнымъ трудомъ.

Нѣкоторая соціалистическая окраска всѣхъ этихъ представленій несомнѣнна, но въ то же время трудно увидѣть въ нихъ сколько-нибудь опредѣленную систему. Этотъ, получившій кличку аграрнаго закона, соціализмъ городской и сельской бѣдноты носилъ такой же смутный и неопредѣленный характеръ, какъ и страхъ передъ этимъ «аграрнымъ закономъ» буржуазіи. Одна изъ сторонъ не могла дать себѣ яснаго отчета въ своихъ намѣреніяхъ, другая въ грозящей ей опасности. Это было скорѣе предчувствіе будущей классовой борьбы за начала новаго общественнаго строя, чѣмъ дѣйствительная борьба.

Если санкюлотское движеніе 1793-го года нельзя назвать соціалистическимъ, то тѣмъ болѣе въ немъ не было почти ничего пролетарскаго; посягательства на частную собственность носили тутъ мелкобуржуазный характеръ, направляясь лишь на крупныхъ собственниковъ, а не на самыя основы собственности. Если буржуазія была неправа, утверждая, что движеніе вызывалось силами реакціи, она была права въ томъ отношеніи, что оно все же, по своей общественной сущности, было реакціоннымъ.

Для классового пролетарскаго движенія не было въ то время никакой почвы, потому что и самый пролетаріатъ еще только нарождался и не успѣлъ сколько нибудь замѣтно отмежеваться отъ другихъ классовъ.

Выше мы намѣренно говорили все время о деревенской бѣднотѣ, а не о крестьянахъ, потому что послѣ отмѣны феодальнаго строя въ дѣйствіяхъ

крестьянскихъ массъ не могло уже быть никакого единства. Передъ крестьянами не было больше общей цѣли, и на сцену выступали противоположности ихъ интересовъ. Кромѣ того, различіе между крестьянами-собственниками и самостоятельными фермерами, съ одной стороны, и маломочными и безхозяйными крестьянами съ другой, существовавшее и раньше, теперь, послѣ распродажи національныхъ имуществъ, приняло еще большіе размѣры, такъ какъ только богатые крестьяне могли воспользоваться ею въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ.

Единства въ крестьянскихъ выступленіяхъ не могло теперь существовать и по самому характеру волновавшихъ городскую и сельскую бѣдноту вопросовъ. Если рѣчь шла, напримѣръ, объ установленіи таксы на хлѣбное зерно или на рабочія руки, то тутъ сельскій бѣднякъ, жившій наполовину наемнымъ трудомъ и прикупавшій хлѣбъ, и крестьянинъ-собственникъ или фермеръ, продававшій хлѣбъ, не могли, ктнечно, между собою столковаться. Мысль о черномъ передѣлѣ также могла радовать однихъ и пугаоь другихъ.

Санкюлотское движеніе встрѣчало поэтому полную поддержку и горячее сочувствіе въ деревенской бѣднотѣ и вызывало противъ себя раздраженіе среди хозяйственныхъ крестьянъ. Тѣ департаменты, въ которыхъ преобладало крупное фермерство и былъ, слѣдовательно, многочисленный классъ безземельныхъ и малоземельныхъ бѣдняковъ, были настроены республикански и продолжали поддерживать революцію. Здѣсь сельское населеніе въ дальнѣйшемъ ея развитіи видѣло залогъ удовлетворенія своихъ еще неудовлетворенныхъ нуждъ.

Такса на съѣстные припасы, раздѣлъ крупныхъ фермъ, «аграрный законъ» — они ждали этихъ мѣръ отъ той революціи, которая уже освободила ихъ отъ церковной десятины и тяжелыхъ феодальныхъ по-

винностей. Напротивъ, въ департаментахъ съ преобладаніемъ мелкаго фермерства и съ болѣе равномѣрнымъ, слѣдовательно, распредѣленіемъ землепользованія росло реакціонное настроеніе и раздраженіе противъ революціи; здѣсь создавалась благодарная почва для черносотенной, какъ мы теперь сказали бы, агитаціи духовенства и дворянъ.

Съ ликвидаціей[1]) феодальнаго строя и съ окончаніемъ распродажи церковныхъ и эмигрантскихъ земель кончились здѣсь всѣ, связанныя съ революціей, чаянія. Такія же мѣры, какъ такса на хлѣбъ, прямо уже ударяли крестьянъ и фермеровъ по карману.

XII.

Распродажа національныхъ земель, клонившаяся къ ихъ раздробленію, несомнѣнно сдерживающимъ образомъ дѣйствовала на начинавшееся уже контръ-революціонное движеніе крестьянства. Участвуя въ покупкѣ національныхъ земель, крестьяне чувствовали еще связь съ республиканскимъ правительствомъ; возможность на выгодныхъ условіяхъ получить изъ его рукъ землю была тою послѣднею нитью, которая привязывала къ революціи крестьянъ такихъ областей, какъ Бретань, Анжу, Пуату, гдѣ рѣшительно преобладало мелкое фермерство, гдѣ санкюлотскій элементъ деревни совершенно отсутствовалъ.

Вандейское возстаніе началось лишь послѣ того, какъ запасъ національныхъ имуществъ здѣсь истощился. Лѣтомъ же 1792 года, въ моментъ особенно усиленной распродажи въ Вандейскихъ провинціяхъ бывшихъ церковныхъ земель, контръ-революціонная агитація не смѣла даже здѣсь выставить никакой

---

[1]) Ликвидація — уничтоженіе, прекращеніе существованія.

другой тактики, кромѣ пассивнаго бойкота выборовъ въ Конвентъ[1]).

Соціальная и культурная обстановка, въ которой жили вандейскіе крестьяне была болѣе или менѣе обща всѣмъ областямъ мелкаго землевладѣнія и мелкаго фермерства, но здѣсь всѣ ихъ особенности выступали болѣе рѣзко. При полномъ почти отсутствіи городовъ, при отсутствіи оживленнаго обмѣна и преобладаніи замкнутаго натуральнаго хозяйства общій тонъ жизни давалъ мелкій самостоятельный фермеръ и мелкій крестьянинъ-собственникъ, далекій отъ общихъ политическихъ интересовъ, отъ широкихъ соціальныхъ задачъ, отъ всего, что выходило за предѣлы его узкаго, чисто мѣстнаго, кругозора.

Вопросовъ, волновавшихъ въ это время населеніе крупныхъ городовъ и прилегающихъ къ нимъ мѣстностей, вродѣ вопроса о крупныхъ фермахъ, о таксѣ на хлѣбъ, о черномъ передѣлѣ, здѣсь совершенно не существовало.

Всѣ блага революціи кончались для Вандейскаго крестьянина съ отмѣной десятины и феодальныхъ повинностей да съ распродажей церковной земли. Впереди революція сулила ему одни повинности и самую тяжелую изъ нихъ — рекрутскую.

Смыслъ революціонныхъ войнъ, возбуждавшихъ въ другихъ мѣстахъ патріотическій пылъ, вандейскому крестьянину былъ совершенно непонятенъ: онъ охотно вѣрилъ слухамъ, что исключительную цѣль революціи составляетъ борьба съ христіанствомъ и со всѣми связанными съ нимъ привычными устоями жизни, отъ непріятныхъ сторонъ которыхъ крестьяне только что успѣли отдѣлаться.

При такихъ условіяхъ духовенству, которое издавна царило здѣсь, какъ единственное авторитетное и связующее населеніе начало, не стоило боль-

[1]) Непокорные правительству священники запрещали крестьянамъ участвовать въ выборахъ.

шого труда разжечь религіозный фанатизмъ крестьянъ и направить его противъ революціи.

Что касается дворянъ, то они долго не рѣшались даже здѣсь выступать передъ крестьянами иначе, какъ переодѣтые въ крестьянское платье: они вполнѣ основательно опасались, что глубокая ненависть къ нимъ и живое воспоминаніе о феодальномъ гнетѣ не вполнѣ еще исчезли изъ крестьянскихъ сердецъ. Одноко это не мѣшало и имъ осторожно вести свою агитацію.

Болѣе всего они старались подчеркивать передъ крестьянами противоположность интересовъ города и деревни, доказывая, что революція есть дѣло исключительно городского класса, а крестьянство въ его рукахъ не болѣе, какъ мясо для пушекъ, не болѣе, какъ покорная масса, на которую можно взвалить всѣ непріятныя для горожанъ обязанности.

Все зло, говорили крестьянамъ, происходитъ отъ горожанъ. Они накупили себѣ земли и, живя въ городѣ, получаютъ съ нея доходы, т. е. обираютъ деревню, ничего не давая ей взамѣнъ. «Сами горожане и не думаютъ итти на войну, они посылаютъ на убой простодушныхъ крестьянъ, заставляя ихъ сражаться за революцію, которая городамъ дала богатства, а у крестьянъ только отняла ихъ священниковъ.

Дворяне, тѣ, по крайней мѣрѣ, живутъ тутъ же въ деревнѣ; имъ такъ же, какъ всему сельскому населенію, не выгодно обогащеніе городовъ на счетъ деревень . . .»

Крестьяне слушали такія рѣчи, и въ душѣ просыпалась глухая ненависть къ городу и ко всему, что нарушало привычную обстановку жизни во имя чуждыхъ и непонятныхъ имъ цѣлей. Воспоминанія о прошломъ быстро утрачивали свои темныя стороны и облекались извѣстнымъ ореоломъ. Монархическая идея все больше и больше окрашивала это чисто

плебейское вначалѣ движеніе и создавала почву для такого, совершенно противоестественнаго, казалось бы, союза, какъ союзъ между крестьянами и дворянствомъ. Кто спасетъ крестьянина отъ жадныхъ горожанъ? Кто смиритъ ихъ ненасытную алчность и сохранитъ для мирныхъ сельскихъ жителей Христову вѣру и добрые обычаи старины? Тотъ, кто и доселѣ охранялъ ихъ, — христіанскій король и сельскіе пастыри.

Играя на враждебныхъ къ городу чувствахъ крестьянина, дворяне, конечно, не рискнули бы поднести ему свой идеалъ православія и самодержавія во всей его феодальной наготѣ: они искусно скрывали его подъ пеленой мѣщанской идилліи, изо всѣхъ силъ стараясь войти въ роль охранителей католической церкви и всѣхъ «истинно-французскихъ», какъ сказали бы теперь, обычаевъ.

Впослѣдствіи, когда опьяненные успѣхомъ вожди возстанія стали раскрывать понемногу свои карты и объявлять недѣйствительными декреты «такъ называемаго національнаго собранія» о продажѣ церковныхъ и дворянскихъ земель и объ уничтоженіи десятины, среди крестьянъ начался глухой ропотъ.

Они способны были быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи, но отдать то, что только что было ими завоевано, чтобы вернуться къ прежнимъ феодальнымъ порядкамъ, вандейскіе крестьяне ни за что бы не согласились. Въ этомъ смыслѣ завоеванія революціи были прочны.

Вандейское возстаніе отличалось всѣми ужасами, свойственными реакціоннымъ вспышкамъ. По своей кравожадности и злобѣ французскіе реакціонеры 18-го вѣка нисколько не уступали современнымъ русскимъ.

Республиканцевъ, или «патріотовъ», какъ говорили тогда, не подозрѣвая вѣроятно, какому искаженію подвергнется впослѣдствіи этотъ терминъ въ

одной изъ европейскихъ странъ, — республиканцевъ подвергали поголовному избіенію. Пойманнымъ отпиливали руки, истыкивали тѣло вилами, живыхъ закапывали въ землю. «Было неизбѣжно и необходимо для цѣлей мира не оставить во Франціи ни одного патріота» — писалъ въ своихъ мемуарахъ одинъ изъ вандейскихъ поповъ. «И таковъ былъ народный гнѣвъ, — говоритъ онъ, — что достаточно было разъ побывать на самозванной обѣднѣ[1]), чтобы человѣка пристрѣлили или заколотили на смерть» . . .

XIII.

Вандейское возстаніе по своимъ размѣрамъ и формѣ было явленіемъ чисто мѣстнымъ, но оно было въ то же время и однимъ изъ общихъ проявленій упадка революціоннаго настроенія среди крестьянства.

Послѣ установленія свободной крестьянской собственности, т. е. освобожденія находившейся во владѣніи крестьянъ земли отъ всякихъ помѣщичьихъ правъ, послѣ перехода къ крестьянамъ значительной части церковной и дворянской земли, послѣ уничтоженія церковной десятины, барщинъ и податныхъ привиллегій, революція ничего не могла уже дать крестьянамъ, и крестьяне перестаютъ ею интересоваться.

Съ этимъ моментомъ связанъ переломъ въ самой революціи: ея поступательное движеніе ослабѣваетъ; начинается подведеніе итоговъ.

То, что буржуазія уступила санкюлотамъ подъ вліяніемъ грозящей ей опасности, она постепенно отбираетъ обратно, накладывая свою руку на завоеванное силами всего народа.

Санкюлоты продолжали борьбу; ихъ требованія даже возростали; они не думали безъ боя отступать

[1]) Т.-е. у священника, подчинившагося новымъ республиканскимъ законамъ (Гражданскому уставу о духовенствѣ).

съ занятыхъ позицій. Но сила была уже не за ними: поднявшая голову буржуазія безъ дальнѣйшихъ колебаній могла нанести имъ рѣшительный ударъ.

Къ числу причинъ, отвлекавшихъ крестьянъ отъ революціи слѣдуетъ отнести и войну. Война все болѣе теряла для Франціи свой оборонительный смыслъ и пріобрѣтала въ рукахъ правительства характеръ выгоднаго для государства предпріятія. Съ одной стороны, оно на средства побѣжденныхъ пополняло государственную казну, а съ другой отвлекало изъ деревень избыточное малоземельное населеніе, косвенно содѣйствуя, такимъ образомъ, подъему крестьянскаго хозяйства.

Санкюлоты очутились съ глазу на глазъ съ буржуазіей, которая именно теперь, когда внѣшняя опасность миновала, почувствовала, наконецъ, прочность всѣхъ своихъ завоеваній, и рѣшительно выступила противъ санкюлотской политики. Законы о цѣнахъ на продукты, конституція 1793-го года и всѣ другіе плоды санкюлотской революціи послѣдовательно подвергались уничтоженію. По всей странѣ торжествовала буржуазная реакція.

Крестьяне не только предоставили буржуазіи раздѣлываться, какъ ей было угодно, съ крайними и умѣренными вождями санкюлотовъ, но безъ всякаго сопротивленія уступили ей и всеобщее избирательное право. Въ то время какъ парижская демократія въ рядѣ кровавыхъ возстаній продолжала вмѣстѣ съ хлѣбомъ требовать и конституціи 1793-го года (т. е. демократической республики), крестьянская страна единодушно голосовала сперва за двухпалатную и цензовую[1]) конституцію, а потомъ и за уничтоженіе республики.

Дѣло въ томъ, что всѣ смѣнявшія другъ друга конституціи, а потомъ наполеоновскія хартіи не-

[1]) Цензовую, т.-е. предоставляющую избирательныя права только зажиточнымъ классамъ.

измѣнно подтверждали незыблемость и святость новой буржуазной собственности и санкціонировали произведенный революціей аграрный переворотъ.

XIV.

Оторвавшись отъ революціи, французское крестьянство надолго умерло для политической жизни. Въ послѣдующее десятилѣтіе Франція переживала одинъ за другимъ рядъ политическихъ переворотовъ, сопровождавшихся движеніями соціальнаго характера, но крестьянство все время оставалось неподвижнымъ, въ сторонѣ отъ тѣхъ и другихъ. Оно покорно выносило все — и пріостановку распродажи національныхъ имуществъ, объявленную директоріей[1]), и возвращеніе дворянъ-эмигрантовъ при Наполеонѣ, и возстановленіе почти неограниченной королевской власти, оно не выразило открытаго протеста даже противъ назначенія пострадавшимъ отъ конфискаціи земли дворянамъ ежегоднаго 30-милліоннаго вознагражденія при Карлѣ X. Такъ какъ крестьяне извлекли уже изъ распродажи національныхъ имѣній все, что могли, и новыхъ мѣръ къ облегченію перехода распродаваемой земли къ крестьянамъ не принималось, то и прекращеніе распродажи такъ же мало затрагивало въ сущности матеріальные интересы крестьянъ, какъ и всѣ другія происшедшія за это время перемѣны политическаго и экономическаго характера.

При своей разобщенности и низкомъ уровнѣ развитія и при замкнутости деревенской жизни крестьянство въ массѣ своей не могло сколько-нибудь живо интересоваться общими вопросами политики;

[1]) Директорія — правительство изъ 5 лицъ, въ руки которыхъ по такъ называемой «конституціи III года» (1795-го года) была передана высшая исполнительная власть. Директорія управляла Франціей съ октября 1795 года до ноября 1799-го, когда она была упразднена Наполеономъ Бонапартомъ.

что же касается соціальныхъ движеній, то они возникали на почвѣ развитія капитализма, а капитализмъ охватывалъ преимущественно область городской промышленности и слабо проникалъ пока въ сельское хозяйство.

Деревня оставалась, такимъ образомъ, въ сторонѣ и отъ экономическаго развитія, и отъ политической и умственной жизни страны.

Крестьянскимъ вопросомъ перестали интересоваться; подъ именемъ «народа» стали разумѣть, главнымъ образомъ, городскихъ рабочихъ, а разрѣшеніе соціальнаго вопроса искали уже не въ «аграрномъ законѣ», а въ «организаціи труда». Послѣдній терминъ былъ такъ же мало въ сущности опредѣленъ какъ и первый, но въ немъ уже ясно обнаруживалось перемѣщеніе центра тяжести въ общественной борьбѣ съ крестьянства на городской пролетаріатъ.

Мало по малу и вожди политическихъ партій привыкали смотрѣть на крестьянъ, какъ на безразличную массу, съ которой, какъ съ политической величиной, можно не считаться.

Они были однако же неправы. Не интересуясь политикой и соціальной борьбой, начинавшейся въ городахъ, крестьяне тѣмъ не менѣе зорко слѣдили за тѣмъ, какъ бы ихъ матеріальные интересы не потерпѣли ущерба. Они не вмѣшивались въ политическую борьбу лишь потому, что она шла въ сторонѣ отъ занимавшихъ ихъ непосредственно вопросовъ, но какъ только этого условія не стало, отношеніе крестьянъ къ политикѣ сразу перемѣнилось: они вышли изъ состоянія безразличія и снова напомнили всѣмъ о своемъ существованіи; то правительство, которое первое необдуманно рѣшилось посягнуть на крестьянскій карманъ, сдѣлало себѣ изъ нихъ безпощаднаго врага.

Не осталось крестьянство глухо на этотъ разъ и къ борьбѣ городскихъ классовъ. Оно обрушилось

на тотъ изъ нихъ, въ которомъ усмотрѣло зачинщика городской смуты и связанныхъ съ нею новыхъ налоговъ, т. е. на пролетаріатъ, а соціальный идеалъ, къ которому онъ стремился, оно истолковало какъ посягательство на свою земельную собственность; въ этотъ мигъ крестьянство почувствовало свою солидарность со всей буржуазіей.

Случилось это въ періодъ революціи 1848-го года. Февральское возстаніе, поднятое противъ безграничнаго господства крупной буржуазіи, возведшей на французскій престолъ Филиппа Орлеанскаго, кончилось, какъ извѣстно, бѣгствомъ этого короля изъ Франціи и провозглашеніемъ республики. Хотя побѣда февральской революціи была куплена кровью парижскихъ рабочихъ, господами положенія послѣ переворота стали все таки средніе слои буржуазіи. Для пролетаріата результаты его побѣдоноснаго вмѣшательства въ борьбу свелись пока къ участію 3 представителей его интересовъ во временномъ правительствѣ (всѣхъ членовъ правительства было 11) и ко всеобщему избирательному праву.

Крестьянство въ массѣ своей отнеслось къ февральской революціи сперва довольно равнодушно, а мѣстами даже сочувственно. Крестьяне говорили, что «выгнать короля Филиппа было дѣло хорошее, что онъ вполнѣ этого заслужилъ». Объ этомъ разсказываетъ, напримѣръ, Токвиль, очевидецъ революціонныхъ событій 48-го года, внимательно слѣдившій за настроеніемъ различныхъ классовъ общества.

«Если бы революціонеры, — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—распорядились производствомъ выборовъ на другой день послѣ 24 февраля, то они, быть можетъ, получили бы такое Національное Собраніе, которое было бы имъ по сердцу»[1]).

Дѣйствительно, во время іюльской монархіи и

[1]) См. «Воспоминанія Алексиса Токвиля». Изд. Солдатенкова. Стр. 97 и 110.

крестьяне могли уже отчасти замѣтить отрицательныя стороны хозяйничанья въ странѣ крупной буржуазіи и быстраго развитія капитализма[1]).

Незадолго до февральскихъ событій крестьяне выступали кое гдѣ даже активными участниками демократическихъ демонстрацій, и лишь поведеніе временнаго правительства (большинство въ которомъ принадлежало либеральной буржуазіи) превратило крестьянъ во враговъ республики. Несмотря на протесты соціалиста Луи Блана и радикальнаго демократа Ледрю-Роллена, оно издало законъ о повышеніи на 45% всѣхъ прямыхъ налоговъ, что и послужило для крестьянъ поводомъ къ возмущенію новымъ правительствомъ.

Со стихійной силой вспыхнула въ деревнѣ традиціонная вражда къ городу. Республика, затѣянная безъ вѣдома крестьянъ, казалась имъ новой злостной выдумкой горожанъ, направленной противъ крестьянства. При этомъ крестьяне не только не дѣлали исключенія для пролетарской части городского населенія, но именно противъ нея и направляли главнымъ образомъ свою ненависть. Въ ней, какъ мы сказали, они видѣли зачинщика смуты, приведшей къ новымъ налогамъ, и сторонника соціалистическихъ проектовъ, посягавшихъ, какъ казалось крестьянамъ, на ихъ владѣльческія права. Они и впереди не ждали поэтому отъ смуты ничего хорошаго.

Крестьянская бѣднота не знала, конечно, что комиссія рабочихъ, созванная въ мартѣ для обсужденія рабочаго вопроса, въ числѣ первыхъ своихъ проектовъ выдвигала проектъ замѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ однимъ подоходнымъ и устройства

[1]) Достаточно сказать, что ипотечный долгъ французскихъ крестьянъ около 1840 года равнялся 11 милліардамъ франковъ. Съ 1835 до 1847 года ежегодная цифра косвенныхъ налоговъ возросла съ 560 до 892 милліоновъ.

земледѣльческихъ колоній для сельскихъ пролетаріевъ. А агенты монархистовъ и клерикаловъ[1]) усиленно разрисовывали тѣмъ временемъ передъ крестьянами ужасы соціалистическаго переворота и натравляли ихъ на революціонеровъ.

«Когда они узнали, — пишетъ Токвиль про крестьянъ своего округа (департамента Ламаншъ), — что дѣлаются нападки на право собственности, страхъ проникъ въ ихъ массу, и ужасъ распространился по всей провинціи . . . Въ деревняхъ всѣ землевладѣльцы сблизились между собой и, повидимому, считали себя принадлежащими къ одному классу населенія.

Зависть и гордость перестали служить причинами раздоровъ между крестьянами и богатыми землевладѣльцами, между дворянствомъ и буржуазіей; ихъ замѣнило взаимное довѣріе . . . Собственность сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ братскихъ узъ для всѣхъ, кто ее имѣлъ»[2]).

Крестьяне были теперь уже свободными собственниками, — и мысль о черномъ передѣлѣ, въ формѣ котораго они по прежнему только и представляли себѣ соціальный переворотъ, стала для нихъ ненавистна, прошло время, когда они сочувственно слушали рѣчи политиковъ вродѣ Доливье.

Свое враждебное отношеніе къ республикѣ крестьяне проявили въ первый разъ при выборахъ въ учредительное собраніе: они дали значительный перевѣсъ консервативнымъ элементамъ. Потомъ, по мѣрѣ роста въ городахъ соціалистическаго движенія, реакціонное настроеніе крестьянства проявлялось все замѣтнѣе, пока іюньское рабочее возстаніе не заставило его развернуться во всей его полнотѣ.

«Парижъ наполнился деревенскими жителями,

[1]) Клерикалы — сторонники вліянія церкви на политику.
[2]) „Воспоминанія“, стр. 98.

стекавшимися туда изо всѣхъ провинцій», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Токвиль.

«Объединенные братскими узами собственности» съ крупными землевладѣльцами, буржуа и аристократами, крестьяне спѣшили въ Парижъ, чтобы вступить тамъ въ ряды національныхъ гвардейцевъ и помочь сражавшимся съ рабочими войскамъ.

По всей Франціи крестьяне бурно привѣтствовали кровавое усмиреніе іюньскаго возстанія, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они низвергли республику и возвели на престолъ Людовика Бонапарта.

Историкъ французскаго соціализма Поль Луи называетъ результатъ всенародныхъ президентскихъ выборовъ 10-го декабря 1848 года «актомъ мести крестьянъ за обиду, нанесенную имъ февральскимъ временнымъ правительствомъ».

«Забитый мужикъ отомстилъ за себя. Такъ какъ новый строй, введенный безъ его вѣдома, сразу нарушилъ его интересы, то онъ возсталъ противъ него и раздавилъ его. Въ этомъ и заключалась реставрація Бонапартовской имперіи» . . .[1])

XVI.

Мы видимъ, насколько различна была роль крестьянства въ двухъ разсмотрѣнныхъ нами французскихъ революціяхъ.

Въ эпоху Великой Революціи крестьянскій вопросъ игралъ центральную роль въ ходѣ событій; крестьянство было главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Оно низвергло феодальный строй, оно исцѣлило буржуазныхъ революціонеровъ отъ трусливой умѣренности, оно сокрушило власть Людовика XVI и санкціонировало учрежденіе республики. Обездоленная часть крестьянства вступила даже на нѣкоторое время въ безмолвный союзъ съ пролетарскими элементами города и вмѣстѣ съ ними готова

[1]) *Поль Луи.* Исторія соціализма во Франціи. Стр. 205.

была подъ лозунгомъ аграрнаго закона вести борьбу противъ крупной буржуазіи.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Франція опять борется за демократическую республику: соціальный вопросъ снова, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ, волнуетъ городскихъ пролетаріевъ. Крестьянство опять выступаетъ на сцену, но на этотъ разъ лишь затѣмъ, чтобы въ союзѣ съ буржуазіей раздавить пролетарское возстаніе и возвести на престолъ новаго тирана. Общее въ этихъ двухъ крестьянскихъ выступленіяхъ лишь то, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ крестьянство имѣло въ виду свои ближайшіе матеріальные интересы, и въ обоихъ случаяхъ его поведеніе рѣшило исходъ революціонной борьбы. Различный характеръ этихъ выступленій зависѣлъ, конечно, отъ различія соціальной и политической обстановки, въ которой она разыгрывалась.

Крестьяне 1789-го года, задыхающіеся подъ тяжестью государственной и помѣщичьей кабалы, не смѣющіе шагу ступить свободно по собственной землѣ, и крестьяне 1848-го года — свободные собственники, платящіе одинаковый со всѣми поземельный налогъ — это двѣ совершенно различныя по соціальному положенію группы.

Вандейское возстаніе и начавшійся одновременно съ нимъ повсемѣстный упадокъ революціоннаго настроенія крестьянства были первымъ проявленіемъ совершившейся перемѣны.

Правда, на смѣну феодальнаго гнета къ серединѣ 19-го вѣка пришелъ гнетъ капиталистическій, выражавшійся въ растущей задолженности мелкаго землевладѣнія и пролетаризаціи части крестьянства, но сельскій пролетаріатъ[1]) совершенно не уяснялъ

[1]) Лозинскій относитъ къ нему 1 243 000 крестьянскихъ дворовъ, имѣвшихъ не болѣе 2 гектаровъ на дворъ. Ср. *Лозинскій*. Исторія второй французской республики.

еще себѣ своего классового положенія и оберегалъ свое *право* собственности съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ буржуазная часть крестьянства оберегала *дѣйствительную* собственность[1]).

Въ 1789-мъ году крестьянинъ боролся противъ помѣщичьей собственности и помѣщичьихъ привилегій, подрывая этимъ основы связаннаго съ ними государственнаго строя. Опиравшаяся на дворянство власть Людовика XVI должна была пасть одновременно съ дворянскими правами.

Сознательно или несознательно, но крестьянство разрушило во Франціи старую монархію.

Королевское самодержавіе, бывшее выраженіемъ господства паразитическаго класса феодальныхъ землевладѣльцевъ пришло въ рѣзкое противорѣчіе съ хозяйственнымъ развитіемъ страны.

Народная нищета и хозяйственный застой грозили ей полнымъ упадкомъ. Продукты народнаго труда безъ остатка поглощались государствомъ и присосавшимися къ нему паразитами.

Измѣненіе отношеній собственности примѣнительно къ условіямъ буржуазнаго хозяйства, и прежде всего освобожденіе земли и крестьянства, — вотъ, что было для Франціи 1789 года вопросомъ жизни и смерти, а политическая программа революціи вытекала отсюда сама собой, какъ необходимое слѣдствіе: для правильнаго развитія буржуазнаго общества была необходима замѣна самодержавія режимомъ политической свободы.

Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ главной революціонной силой должно было стать крестьянство.

Революція 1848-го года была вызвана другими причинами и выдвигала другія задачи. Рѣчь шла уже не о борьбѣ съ феодальнымъ самодержавіемъ и

[1]) Ср. *Марксъ*. Классовая борьба во Франціи отъ 1848-го до 1851 года. Изд. Маріи Малыхъ. Стр. 89.

не о завоеваніи условій для свободнаго развитія въ странѣ капитализма, а о противорѣчіяхъ, возникшихъ внутри самого буржуазнаго общества.

Капитализмъ развивался во Франціи со сказочной быстротой. Крупная буржуазія уже второе десятилѣтіе наслаждалась властью. Теперь она сама возбудила противъ себя народное движеніе, въ которомъ намѣтилась уже самостоятельная задача пролетаріата, выяснился его классовый идеалъ.

Крестьянство выступило теперь не какъ сословіе, наиболѣе угнетенное ненавистнымъ для всего народа режимомъ, а какъ промежуточный классъ, какъ болѣе или менѣе посторонній наблюдатель начинавшейся классовой борьбы. Оно могло примкнуть къ той или другой сторонѣ, но самостоятельной задачи передъ собой не имѣло.

Совокупность обстоятельствъ толкнула его противъ пролетаріата, который былъ достаточно зрѣлъ, чтобы начать чисто классовую политику, но слишкомъ еще слабъ, чтобъ подчинить своему вліянію крестьянство. Такимъ образомъ крестьяне стали слѣпымъ орудіемъ буржуазіи. Слѣпымъ, — потому что они вовсе не желали ея господства[1]) и, возводя на престолъ Наполеона III, воображали, что даютъ власть защитнику крестьянскихъ интересовъ и противъ богачей, и противъ соціалистовъ.

Вопросъ о томъ, который изъ этихъ двухъ моментовъ французской исторіи ближе по своему реальному содержанію къ нашей русской дѣйствительности, не представляетъ никакихъ затрудненій. Что такое представляло собою наше государство, какъ не господство паразитическаго класса крѣпостни-

[1]) Идя 10-го декабря къ избирательнымъ урнамъ крестьяне кричали «Долой налоги»! «*Долой богачей*»! «Долой республику»! Ср. *Маркъ*. Тамъ же стр. 41.

ковъ? На кого опиралось наше самодержавіе, какъ не на помѣщичье землевладѣніе, съ которымъ по личному своему составу совпадаетъ и высшая бюрократія?

Что, какъ не полный застой экономической жизни, грозящій полный крахомъ государству и полнымъ вырожденіемъ народу, *сдѣлалъ необходимой переживаемую нами революцію?* И что, наконецъ, является причиной этого застоя и препятствіемъ къ свободному развитію у насъ капиталистическаго *общества*, какъ не высасываніе всѣхъ народныхъ силъ кучкою господствующихъ надъ страною паразитовъ?

Наше крестьянство до революціи свободно было только по имени. Подъ видомъ аренды оно, какъ и раньше, платило оброкъ помѣщикамъ, монастырямъ, казнѣ и удѣламъ за тѣ 45 000 000 десятинъ земли, которые оно подъ страхомъ голодной смерти вынуждено было брать у нихъ по непомѣрно высокой цѣнѣ. Оно несло и барщину въ видѣ отработокъ за необходимые для него луговые, выгонные и пахотные участки. Изъ всей находящейся въ рукахъ не крестьянскихъ владѣльцевъ (включая сюда казну, удѣлы, монастыри) земли не болѣе $^1/_3$ обрабатывалось инвентаремъ владѣльцевъ при помощи наемнаго труда; остальныя $^2/_3$ обрабатывали крестьяне въ видѣ арендованной или отработочной земли. Помѣщикъ могъ преспокойно жить въ городѣ, получая изъ деревни готовыя деньги, и палецъ о палецъ не ударивъ для поднятія производительности земли.

Ему не было нужды заботиться о сельскомъ хозяйствѣ: «голодныя аренды» и крестьянскіе отработки для него были выгоднѣе всякихъ хозяйственныхъ улучшеній.

Что такая система хозяйства ведетъ къ народному обнищанію, вырожденію и экономическому упадку страны, это обстоятельство такъ же мало,

конечно, заботило нашего крѣпостника, какъ заботило въ свое время французскаго.

Не иначе относилось къ крестьянству и крѣпостническое государство. Оно вырывало у него послѣдній кусокъ, а въ случаѣ голода кормило Лидвалями. Отсутствіе у насъ тѣхъ податныхъ изъятій, что существовали въ предреволюціонной Франціи, не мѣняло сути дѣла. Страшная неравномѣрность обложенія, преобладаніе косвенныхъ налоговъ, выкупные платежи и у насъ превращали крестьянство въ дойную корову государства. Выжатыя изъ голоднаго крестьянина соки превращались въ милліоны рублей и поступали въ безконтрольное распоряженіе тѣхъ же крѣпостниковъ, облеченныхъ въ генеральскіе мундиры. Изъ нихъ создались стотысячные оклады, чудовищные авансы, подачки фаворитамъ, милліонныя ассигновки на войну съ народомъ и охрану милаго сердцу вампировъ самодержавія.

Въ результатѣ голодные годы смѣняютъ другъ друга; лебеда, мякина, древесная кора становятся во многихъ мѣстахъ обычнымъ блюдомъ крестьянина; производительность земли падаетъ; количество скота уменьшается; крахъ грозитъ всему народному хозяйству.

Какъ и во Франціи 1789 года, крестьянство дѣлается у насъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, аграрный вопросъ главнымъ нервомъ революціи. Цѣль, къ которой сознательно или безсознательно идетъ наше крестьянство, по существу совпадаетъ съ той, что стояла 120 лѣтъ назадъ передъ французскимъ крестьяниномъ. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о передачѣ крестьянамъ безъ выкупа всей обрабатываемой ими земли, объ освобожденіи ихъ отъ тяжелыхъ повинностей въ пользу крѣпостниковъ. Какъ французскій крестьянинъ не могъ понять разницы между личными и поземельными повин-

ностями, требуя уничтоженія безъ выкупа тѣхъ и другихъ, такъ и нашъ крестьянинъ не можетъ понять, почему онъ долженъ платить оброкъ или нести барщину помѣщикамъ, монастырямъ, удѣламъ за ту землю, которую онъ изъ года въ годъ обрабатываетъ своимъ скотомъ и орудіями, почему государство, отбирающее у него за недоимки послѣднюю корову, ту землю, которая одна только можетъ дать ему возможность уплатить эти недоимки, объявляетъ неприкосновенной собственностью какого нибудь, живущаго въ Петербургѣ, генерала.

Въ концѣ концовъ, и у насъ главная задача революціи заключается въ освобожденіи земли и крестьянства отъ крѣпостничества и въ замѣнѣ феодальной собственности собственностью буржуазной.

Здѣсь однако сходство современной Россіи съ Франціей 1789 года кончается и начинается ихъ различіе. Развитіе капитализма ушло у насъ гораздо дальше. Вмѣсто неопредѣленнаго по составу и слабаго политически класса санкюлотовъ мы имѣемъ многочисленный, проникнутый классовыми стремленіями и быстро организующійся въ классовую партію пролетаріатъ.

Къ народной борьбѣ противъ феодальнаго строя у насъ примѣшана классовая борьба пролетаріата; два момента, раздѣленные во Франціи промежуткомъ въ 60 почти лѣтъ, въ нашей революціи наложены одинъ на другой. Отсюда всѣ ея особенности сравнительно съ французской.

Тѣ же классы, которые боролись съ феодальнымъ строемъ во Франціи, выступаютъ и у насъ — буржуазія, крестьянство, пролетаріатъ (санкюлоты), но отношеніе между ними и частныя задачи, стоящія передъ каждымъ изъ нихъ, уже иныя.

Наша буржуазія съ самаго начала революціи принуждена вести борьбу на два фронта: слѣва у нея не менѣе сильный врагъ, чѣмъ справа. Если въ

минуту острой опасности со стороны реакціи французская буржуазія обратилась къ санкюлотамъ и безъ сопротивленія уступила имъ гегемонію[1]), то наша буржуазія въ разгаръ борьбы за демократію можетъ броситься въ объятіе крѣпостниковъ; она сдѣлаетъ это тѣмъ легче, что наше самодержавіе, доживая свои дни уже среди капиталистическаго общества, въ большей степени успѣло приспособиться къ нему, чѣмъ самодержавіе послѣднихъ Людовиковъ.

Наше крестьянство, открывая борьбу за землю и волю, поставлено между двумя сильными и борющимися между собою классами — положеніе, въ которое французское крестьянство попало, получивъ уже и землю, и волю.

Если въ моментъ напряженной борьбы съ крѣпостничествомъ французскіе крестьяне склонялись къ союзу съ санкюлотами, проявляя нѣкоторую чуткость даже къ коммунистической пропагандѣ, и санкюлоты съ своей стороны искали союза съ крестьянами, то въ нашей революціи союзъ пролетаріата съ крестьянствомъ долженъ быть еще болѣе сознательнымъ и прочнымъ: только въ этомъ случаѣ ей не страшна измѣна буржуазіи, только въ этомъ случаѣ возможна у насъ полная побѣда демократіи надъ самодержавіемъ и умѣреннымъ либерализмомъ.

Во Франціи буржуазіи удалось безъ труда разбить союзъ крестьянъ съ санкюлотами и раздавить побѣдившую было демократію; у насъ союзъ этотъ будетъ не такимъ мимолетнымъ въ виду меньшей революціонности нашей буржуазіи и большей организованности и сознательности пролетаріата.

Нашъ пролетаріатъ, выступая въ качествѣ самостоятельной политической силы и выставляя свои классовые лозунги, находитъ рядомъ съ собой не разобщенную массу мелкихъ земельныхъ собственниковъ, а объединенное революціоннымъ настроеніемъ

[1]) Гегемонія — предводительство въ войнѣ.

сословіе. Въ этомъ выгода его положенія сравнительно съ положеніемъ боровшагося въ 1848 году за демократію французскаго пролетаріата.

Мы видѣли, что интересы буржуазіи и крестьянства во время французской революціи не разъ приходили между собой въ столкновеніе; еще больше столкновенія между ними возможны у насъ.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ пролетаріатъ будетъ рѣшительно становиться на сторону крестьянства, какъ самой революціонной въ моментъ борьбы съ феодальнымъ строемъ и потому самой близкой къ нему по своимъ интересамъ общественной группы; не затушевывать различіе въ буржуазной революціи позицій крестьянства и остальной буржуазіи должна пролетарская партія, а наоборотъ рѣзко подчеркивать его, противополагая ему близость позицій крестьянства и пролетаріата.

Вмѣстѣ съ этимъ пролетаріатъ долженъ использовать моментъ борьбы крестьянъ съ крѣпостничествомъ, когда они способны развить наибольшую сумму революціонной энергіи, въ интересахъ подчиненія пролетарской и полупролетарской части крестьянства своему вліянію. Когда послѣ аграрнаго переворота сельская мелкая буржуазія окрѣпнетъ и станетъ на ноги, бороться съ ея вліяніемъ на сельскій пролетаріатъ будетъ труднѣе, и пролетарская армія можетъ надолго лишиться одного изъ самыхъ многочисленныхъ своихъ отрядовъ.

Въ 1848-мъ году сельскій пролетаріатъ во Франціи за одно съ буржуазіей выступалъ противъ городскихъ рабочихъ, находясь всецѣло подъ моральнымъ давленіемъ буржуазной части крестьянства. Мы теперь же должны устранять возможность такихъ противоестественныхъ союзовъ у насъ. Соціалъ-демократія всѣми силами должна стремиться къ освобожденію пролетарской части деревни отъ вліянія на нее буржуазныхъ идеаловъ. Она сейчасъ же

должна разъяснять деревенской бѣднотѣ истинный характеръ грядущей соціальной революціи и необходимость для нея отказаться отъ тщетныхъ надеждъ на безбѣдное существованіе и въ рамкахъ буржуазнаго общества; она должна ей указывать на общность ея судьбы съ судьбой всего пролетаріата, отъ котораго и теперь ее отдѣляетъ порой лишь призракъ хозяйственной самостоятельности.

Санкюлоты 1793-го года, стремясь къ сближенію съ крестьянами, въ ихъ чаяніяхъ должны были искать матеріала для собственной программы, дѣлая своимъ лозунгъ аграрнаго закона.

У насъ отношеніе этихъ общественныхъ группъ должно быть обратнымъ. Союзъ нашего пролетаріата съ крестьянствомъ долженъ основываться не на приспособленіи пролетарскихъ интересовъ къ крестьянскимъ, или признаніи ихъ полной тождественности, а на подчиненіи крестьянства вліянію пролетаріата и на распространеніи среди деревенской бѣдноты пролетарскихъ лозунговъ. Пролетаріатъ долженъ указывать ей путь впередъ къ соціализму, а не возвращаться вмѣстѣ съ нею назадъ къ «аграрному закону» или къ уравнительному землепользованію.

Исторія французскаго крестьянства показываетъ намъ, какой реакціонной силой могутъ стать при извѣстныхъ условіяхъ мелкіе землевладѣльцы. Отсюда еще одинъ урокъ для россійскаго пролетаріата.

Содѣйствуя всѣми силами освобожденію крестьянъ отъ феодальнаго гнета, онъ отнюдь не долженъ выставлять такой программы, которая содѣйствовала бы укрѣпленію въ ихъ средѣ мелкой земельной собственности. Высказываясь за конфискацію крупнаго землевладѣнія, соціалъ-демократія можетъ имѣть въ виду лишь созданіе наиболѣе выгодныхъ для рабочаго класса условій развитія крупнаго сельскаго хозяйства, — путемъ передачи контроля надъ нимъ

вмѣстѣ съ землей въ руки демократическихъ учрежденій —, а вовсе не передачу конфискованной земли мелкимъ собственникамъ или крестьянскимъ общинамъ.

Завѣдываніе конфискованными землями согласно соціалдемократической программѣ должно находиться въ рукахъ демократическихъ учрежденій, гдѣ представители городского и сельскаго пролетаріата сообща будутъ отстаивать противъ буржуазіи свои интересы какъ въ вопросахъ, касающихся землепользованія, такъ и во всѣхъ остальныхъ.

Это лучшій путь къ тому, чтобы оторвать деревенскую бѣдноту отъ деревенской буржуазіи, заставить ее почувствовать солидарность съ городскимъ пролетаріатомъ и тѣмъ облегчить и ускорить въ будущемъ торжество соціальной революціи.

